

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

БРАТИШКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Цена 25 коп.

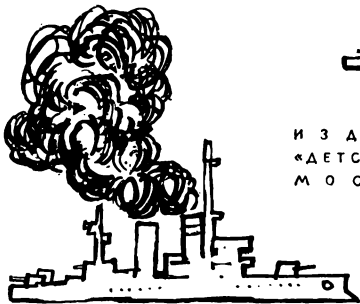
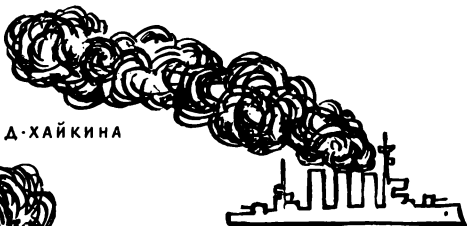
СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

БРАТИШКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ Д. ХАЙКИНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1965**

Кто герой этой книги? Повесть называется «Братишка», но почему на обложке нарисована девочка? Возможно, ошибся художник? А может быть, просто обложку спутали? Или...

Не будем гадать. Из книги всё станет ясным.

Повесть «Братишка» написал популярный детский писатель Сергей Петрович Алексеев. Работает в литературе автор недавно, но им уже создано более десяти книг. Такие произведения писателя, как повести «Небывалое бывает», «История крепостного мальчика», «Сын великана», «Жизнь и смерть Гришатки Соколова», «Орёл-село», «Птица-слава», «Упрямая льдина», «Рассказы о Суворове и русских солдатах», изданы не только на русском, но и на многих других языках.

Прежде чем стать писателем, Сергей Петрович Алексеев был лётчиком, а затем редактором детских книг.

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для начальной школы

Алексеев Сергей Петрович

БРАТИШКА

Ответственный редактор С. М. Пономарёва. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор И. П. Данилова. Корректор В. К. Мирингоф.

Сдано в набор 24/XI 1964 г. Подписано к печати 27/II 1965 г. Формат 60×84^{1/16}. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 5,48. Уч.-изд. л. 4,25. Тираж 250 000 экз. ТП 1965 № 434. Цена 25 коп. Москва, М. Черкасский пер., 1. Издательство «Детская литература».

Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавсплиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва, Суцёвский вал, 49, Заказ № 1464.

Содержание

Глава первая

Ничейная 5

Глава вторая

Башмачки 29

Глава третья

Волшебная палочка 41

Глава четвёртая

„Прости меня, Ромна“ . . . 63

Глава пятая

**Смотрят дула совиным
глазом 81**

Глава первая

НИЧЕЙНАЯ

Весна, 1919 год

Ты что это — а, братишка?
Девочка подняла глаза на матроса, вытерла слёзы.
— А я не братишка. Я Нюта.
— Ах, Нюта, — улыбнулся матрос. — Нюта-Анюта. Где ты, Нюта? Я тут. — Доволен шуткой своей матрос. — Значит, братишка, сидим и плачем?

Матрос здоровенный. Достанет до неба. Грудь — хорошо бы двоим в обхват.

Девочка маленькая. Ростом с травинку. Косичка как гвоздь торчит.

— Чья ты такая?

Девочка всхлипнула.

— Я-то? Ничейная.

— Как так — ничейная? — поразился матрос. — А ну-ка, не плачь, рассказывай.

Расстреляли у Нюты родителей.

И мать и отца.

Осиротили её офицеры белые, из войск Колчака. Нюта жила в Приуралье. В городке на реке Миасс.

Здесь над речкой, над самой кручей в общей могиле лежат партизаны. Гордей Надеждин — командир партизанский, машинист паровозный — Нютин отец. Пелагея Надеждина — Нютина мать.

Белые и Нюту в тот день искали.

— Где партизанский щенок?!

Да люди добрые девочку спрятали. Три дня отсидела в соседских она погребках.

А после туманной ночью вывезли Нюту за линию фронта.

Машинисты, друзья отца, доставили девочку в Питер. Здесь в Петрограде тётка жила у Нюты. Жила, да уехала. Куда — неизвестно.

И вот Петроград — и Нюта совсем одна.

— Вон оно что, — произнёс матрос, сдвинул на лоб бескозырку. («Гав-ри-ил», — по складам про себя прочитала Нюта.) — Ничейная? Кто сказал, что ничейная! — повысил голос матрос. — Не может такого быть. А ну, подымайся.

Петроград: Невский, Литейный, Садовая. Зимний дворец в сотни окон своих глядит. Знамя на Смольном, как боец, на часах стоит. Мойка, Фонтанка, Невка, река Нева. Выборгская, Нарвская, Петроградская сторона.

Весна, 1919 год. Шагает матрос-балтиец, Нюту с собой ведёт.

Смирно, Балтийский флот!

Тяжёлое, лютое время. Колчак наступает с востока. Деникин с юга. В Балтийском море английский флот.

Душат, душат враги Россию. Им бы к ногтю со-

ветскую власть. Им бы снова: заводы — богатым, землю — богатым, воздух — богатым. Бедным снова аркан на шею. Им бы Ньюта в их ненасытную пасть.

Финский залив. Крепость морская — Кронштадт. Вот и трап на борту «Гавриила».

— А ну-ка смелей, братишка!

Робко ступает Ньюта. Море слева, море справа, море со всех сторон. Сбегаются к трапу матросы.

— Смотрите, Виров.

— Виров дитя ведёт.

— Смирно, Балтийский флот!

Улыбается Виров:

— Вольно, братишки.

Поднялись с Ньютой они на палубу. Железо слева, железо справа, железо со всех сторон.

Обступили Ньюта матросы.

— Ньюта, — представил девочку Виров. С друзьями Ньюту знакомит: — Старший матрос Наливайко, минёр Иванов, торпедист Печенёга, котельный матрос Наджми, смазчик второго разряда товарищ Ли, комендоры¹ Хохлов и Зига.

Поклонились матросы Ньюте. Растерялась, смутилась Ньюта, как суслик в норку, за Вирова шмыг.

— Вот те и раз! — развёл руками старший матрос Наливайко.

— Был батыр, и нет батыра, — заявил котельный матрос Наджми.

— Хи-хи, — хихикнул смазчик товарищ Ли.

— Боягуз², — произнёс торпедист Печенёга.

— А вот и нет, — вдруг сказала Ньюта и смело вышла в матросский круг.

Улыбнулись матросы.

— Вот это другое дело. Зачислить в Балтийский флот!

¹ Комендоры — морские артиллеристы.

² Боягуз — трусливый.

Боцман Ванюта

— Что тут, приют? — расшумелся боцман Семён Ванюта. — Да по какому уставу, какому приказу, чтобы на боевом корабле дитё? К тому же, кхе-кхе... особа женского полу.

Пытается Виров всё объяснить Ванюте. Мол, случай редкий. Родные расстреляны. Тут чуткость большая нужна.

— Но, но! — прикрикнул Ванюта. — Все вы теперь агитаторы. Расстреляны? Подумаешь, чем удивил. Да нынче расстрелянных, нынче повешенных, нынче этих бездомных сирот!.. Эх, жизнь ни в копейку пошла человечья! Как снег по зиме — не в цене.

Ванюта хоть ростом не очень выдался, да телом крепок, надёжно сбит.

Ремень, как обруч, обхватил животину. Челюсть железной подковой торчит. Желваки на лице и слева и справа, словно поднял два голыша у моря и сунул себе за щёки.

Ванюта пятнадцатый год на флоте.

В Цусимском¹ бою тонул. У Готланда² в бою тонул. Дважды ранен. Дважды контужен. Две медали лежат у него в сундучке.

— Это, если каждого да пожалеть, — не утихает Семён Ванюта, — каждого да на корабль, флот от груза такого потонет.

Собрались матросы в круг.

— Семён Захарыч, да пусть же останется. Она же в воробыное пёрышко вес.

— Молчать!

— Эх, киркой не пробьёшь сердце.

¹ Цусимский бой произошёл в русско-японскую войну в 1904 году.

² Бой у Готланда — один из морских боёв первой мировой войны.

- Ну-ну, разговорчики!..
— Тише, тише, товарищ боцман. Хоть и флот, а советская нынче власть.
— Ну его! — ругнулись матросы. — Ступай к комиссару.
— К комиссару?
— А что же, в самый оно аккурат.

Девочка опит

Комиссаром на «Гаврииле» свой человек, из флотских — бывший матрос Лепёшкин. Николай Петрович Лепёшкин — он и есть комиссар.

О чём и как с ним беседовал Виров, о том неизвестно. Нескоро вернулся назад матрос. Только шёл — лицо как огнём светилось.

— Порядок? — кричат матросы.

— Порядок.

— Полный?

— Полнейший. А как же — на то комиссар!

Ночь. Матросский кубрик. Четыре постели. Справа и слева, по две, одна над другой. Слева на верхней лежит Аня. На нижней Виров. Рядом храпит Печенега. Сверху направо, так же как Нюта, свернулся в калачик товарищ Ли.

Лежит в сторонке Нютино платьице, лёгкое платьице из бумазеи. Полусапожки в углу стоят.

Устала, забылась, уснула Нюта. На новом месте Нюта видит свой первый сон.

Утро. Берег Миасса. Нюта, мать и отец. Тоже весна. Только не этого, прошлого года. Вишни кругом в цвету. Луговина покрыта кашкой.

Солнце катит по небу.

«Много вёсен тебе, Аня!» — Солнце кричит Аняте.

Речка бежит певунья. Плещет в песок голубой волной:

«Много вёсен тебе, Анюта!»

Ветер ласкает травы.

«Много вёсен тебе, Анюта!» — шепчет гуляка ветер.

Улыбнулась во сне Анюта. Тише. Вы слышите? Тише! Нюте снится счастливый сон.

Примерна

Разве подобает матросу ходить в бумазее, юбкой тереть борта?

Матросу нужна бескозырка. Матросу нужны рубаха, брюки суконные, брюки рабочие, нужен ему ремень — и простой, и тот, что с широкой, форменной бляхой. Матросу нужна фуфайка. К осени нужен бушлат. Нужен к зиме башлык.

Ну и, конечно, нужна тельняшка. Чтобы сердце прикрыть моряцкое.

Всё это вынь и положь.

Старались, шили матросы наряд для Нюты. Нашлись портняжного дела и здесь мастера.

Комендоры Хохлов и Зига занялись бескозыркой. Минёр Иванов раскроил рубаху. С брюками возится смазчик Ли. Перешивает тельняшку Виров. Раздувает утюг Печенег.

Вот с башмаками только загвоздка. Есть и крой, и подмётки, и каблучный набор. Колодок для Нюты нет.

Да это, пожалуй, не к спеху. Есть же у Нюты девичьи полусапожки. Ну что же, походит она пока в таких.

Бойко идёт работа. На эсминце ответственный день.

А вот и примерка.

Надевает Нюта рубаху. Рубаха что надо, сшита по форме. Ворот матросский вдоль плеч лежит. А брюки, взгляните на брюки: в коленках дудочкой, книзу клёшем — флотской моды последний крик.

Бескозырку надела Нюта. Точно по мерке, в самую тютельку.

Ленты, как косы, забросила девочка. Моряцкий, заправский вид.

Подошёл Наливайко, сдвинул у Нюты слегка бескозырку — чуть на лоб и чуть набекрень.

Кто-то подставил зеркало.

Глянула Нюта. Зажмурилась Нюта. Перехватило у Нюты дыхание. Спасибо, Хохлов и Зига. Спасибо, товарищ Ли.

— Ты тельняшку, как жизнь, береги, — наставляет девочку Виров. — Без тельняшки матроса нету.

Любуются Нютой балтийцы.

— Первого ранга, никак, капитан.

— Выше, выше, — смеются матросы. — Сам адмирал!

Улыбается, счастлива Нюта. Взглянули бы мать и отец.

Косичка

Любила Нюта свою косичку. Косичка хоть в палец, почти что в гвоздь. А всё же косичка.

Заплетала Нюта её, расплетала. Ленты свои берегла.

На корабле матросы почти что все острижены. Есть и такие, которые бриты.

Только у Нюты одной косичка.

Мешает Нюте теперь косичка. Из-за неё бескозырка не так сидит.

Подошла девочка к Вирову:

— Дядя Василий, а ну-ка, отрежь.

— Красоту-то такую! — ахнул матрос.

— Режь, — повторила Нюта.

— Нет, — отвечает матрос. — Давай, как решит команда.

Собрались балтийцы, решают важнейший вопрос.

— Правильно, — сказал Наливайко. — Какой же с косичкой моряцкий вид?

— Конечно, с косичкой не по уставу, — согласились Хохлов и Зига. — И всё же девочке, как арестанту...

— Верно, — сказал Иванов. — Девочке в радость всегда косичка.

За косичку стоят и Наджми, и смазчик второго разряда товарищ Ли.

Порешили матросы: косу Нюте не стричь.

Возвращается Виров. Подходит к девочке. А где же косичка?

Клок волос на том месте у Нюты торчит. Отстригла Нюта себе косичку. Из-за неё бескозырка не так сидит.

Морские науки

— Ну, пора за морские науки, — как-то Виров сказал Аняте.

Ходили они по палубе, смотрели боевые посты и орудия. Лазили в самый низ — туда, где котлы и турбины.

— Эсминец есть боевой корабль, — стал объяснять матрос. — Хочешь — пульнёт торпедой. Желает — поставит мины. Эсминец самый быстрый корабль на флоте. Он в морскую разведку ходит. Надо — догонит врага. Ну, а если, скажем, надо уйти — дудки его догонишь. Эсминец при других кораблях

вроде бы как кавалерия при пехоте, — растолковывал Виров.

Всё интересно Нюте.

Расскажи ей про пушки, расскажи ей про мины. Почему это крюк по-флотски зовётся гак? А колокол — рындой? А лестница — трапом? Почему по-морскому тужурка — бушлат?

Про всё объясняет Виров.

Вечером балтиец стал проверять, что же усвоила за день Нюта.

— Что такое эсминец?

— Эсминец есть боевой корабль, — улыбаясь, чеканит Нюта.

— Верно. Ну, а что же такое гак?

— Крюк, — отвечает Нюта.

— А как называется палуба?

— Дек.

— А вот в жизнь не ответишь, что же такое рым?

— Знаю, знаю, — смеётся Нюта. — Это то, обо что я споткнулась. Разные кольца, что вкручены в палубу.

Поражается Виров: смышлённыш какой попался!

— Ну, братишка, как есть молодец!

Прошёл день. Виров опять за дела моряцкие. Только теперь о другом.

— Море ты думаешь что? Вода, мол, и крышка. Эн нет. Тут тоже своя наука.

И снова пошли названия: муссоны, пассаты, шквалы, штили, борá...

— Да пожалей ты её, несчастную, — защищают Нюту другие матросы. — Для малолетка ли мудрёные эти слова!

— Цыц! — огрызнулся балтиец. — Моряком, братишка, не каждый может. Моряк — это знаешь какая вещь! Ночью его спроси про любую штуку. Спит, а точно тебе ответит. Хотя бы вот я, к примеру...

Запомнила Нюта слова матроса.

Ночь. Караулит Нюта, когда же заснёт балтиец. Дождалась. Слезла тихонько вниз,

— Дядя Василий!..

Богатырски храпит матрос.

— Дядя Василий!..

— Ну что?

— Что такое муссоны?

— Ветры, что дуют в море. Летом на сушу, зимой в океан.

Смотри — без запинки ответил матрос. Забралась Нюта снова к себе наверх, Вздремнула немного, опять спустилась.

— Дядя Василий!

Спит безмятежно матрос.

— Дядя Василий!!

— Ну что?

— Что такое пассаты?

— Тоже ветры, — ответил балтиец. — Только не всякие. А те, что дуют лишь в жарких странах. Влагу несут с моря.

Снова верно сказал матрос. И в третий раз про северный ветер — борá тоже в момент ответил.

С завистью смотрит на Вирова девочка. Вот бы себя проверить!

— Дядя Василий, ты и меня разбуди, — попросила она балтийца.

— Ладно, — ответил Виров.

Ночью проснулся матрос. Встал, наклонился к Нюте. Смотрит — девочка сладко спит. Жалко балтийцу тревожить Нюту. Лёг и снова себе заснул.

Обиделась утром Нюта.

— Ты что же меня не будил?!

— Как — не будил? Будил, — отвечает Виров. — Целых три раза, — приврал он для большего веса,

Протирает Нюта глаза. Неужели она забыла? А главное, как же она ответила? Точно ли, верно ли?
— Всё верно, точно. В самый попад, — улыбается Виров. — По науке как есть, братишка.

Вперёдсмотрящий¹

Нравятся Нюте морские науки. Ходит она по эсминцу, лезет ко всем с расспросами.

На эсминце много совсем молодых парней, таких, что недавно пришли на флот. Не все разобрались пока в науках. Не каждый девочке всё объяснит. Неудобно таким матросам. Стали бояться её балтийцы. Увидят Нюту — быстрее в сторону, а то смотри, попадешь впросак.

Да только непросто укрыться от Нюты. Разве что прыгнуть за борт.

Струхнули совсем матросы. С дрожью ложатся спать. «Ой, не пришла бы завтра опять Анюта!» А Нюта всё ходит и ходит. Почёсывают в затылках матросы. Как же им быть? Решали, решали. Сами взялись за науку.

Поражается боцман Ванюта. Что такое — целый день молодые матросы, как пономари, морские слова твердят.

Забавно матросам.

— Ай да Анюта! Похлеще командира за нас взялась.

— А ну-ка, ступай проверь комиссара, — кто-то однажды Нюте сказал.

Другой бы смутился. А Нюта нет. Пошла к комиссару.

Приоткрыла девочка дверь каюты. Видит, дядя

¹ Вперёдсмотрящий — матрос на судне, смотрящий вперёд и наблюдающий за морем.

Лепёшкин сидит. Ворох газет перед ним разложен. Что-то читает. Оторвался Лепёшкин, глянул на дверь.

— А, брат Анята. Давай заходи. Смелее, — сказал Лепёшкин.

Переступила Нюта порог.

— Вот тоже сижу за наукой, — показал комиссар на газеты. — Ленин, смотри, выступал. Новую программу приняла партия. Серьёзные, брат, дела.

Глянула Нюта на развёрнутый лист газеты. Во всю полосу шёл заголовок: «VIII СЪЕЗД РКП». Чуть ниже: «Речь т. Ленина».

Забыла Нюта, зачем и пришла.

«РКП... РКП...»

— Дядя Лепёшкин, как же это понять? — ткнула Нюта в газету пальцем.

Комиссар усмехнулся, глянул на девочку.

— Р — означает Российская, К — Коммунистическая, П — Партия. Получается: Российская Коммунистическая Партия, — объяснил комиссар.

— А что такое есть партия? — снова полезла Нюта.

— Партия? — Лепёшкин задумался. — Ну как бы тебе сказать... Во-первых, это когда не один человек, а много. Во-вторых, когда у этих у многих единая в деле цель. За счастье рабочих, крестьян и всего трудового народа сражается партия. Эх, брат, — вздохнул комиссар, — мала ты для этой штуки! Партия, Нюта, не просто толпа людей. Это есть боевой отряд. Цвет трудового класса. Один к одному. Ленин ей положил начало. Ясно, брат Нюта?

— Нет, — отвечает Нюта.

— Что же тебе не ясно?

— Про коммунистическую что-то не ясно и про программу не ясно, — призналась Нюта.

Комиссар почувствовал, как его прошибает пот.

Ну как объяснить про такое девчонке? Однако что же тут делать. Пришлось объяснять.

— Коммунистическая от слова «коммунизм» происходит, — начал Лепёшкин. — А коммунизм — это то, о чём мечтают люди. Все равны. Ни бедных тебе, ни богатых, — подбирает попроще слова комиссар. — Ни войн, ни вражды на земле. Болезней и тех не будет. А будет, что там, брат, сказка — почище чем в сказке. Это и есть коммунизм. К нему зовут нас Ленин и партия. Отсюда её название.

«Почище чем в сказке» — ну и сказал комиссар!» — подумала Нюта.

— Только он, коммунизм, не с ногами, — продолжал комиссар Лепёшкин. — Он по команде к тебе не придёт. Тут, брат, работать, работать надо. — Комиссар посмотрел на свои ладони. — Строить его, как дом. К нему не большак — дорога. Идти целиной под ветрами, под бурями. Так вот, чтобы не сбиться в пути, у партии есть программа. Имеешь программу — смело шагай вперёд. Она точно пути укажет. Ясно, что значит программа?

— Ясно, — ответила Нюта. — Она, как вперёдсмотрящий.

— Верно, — сказал Лепёшкин и вытер вспотевший лоб.

Если бы Ленин служил на флоте

На следующий день комиссар Лепёшкин проводил на эсминце политбеседу.

Начал с положения дел на фронтах. Трудное время. На востоке красные сдали Уфу. На юге Деникин вступил в Донбасс. В Одесском порту — французы. Англичане и американцы высадились на Советском Севере.

— И этим, смотри, не сидится дома, — зло гово-

рил Лепёшкин. — Как мухи на сладкий пирог летят! Да только нет такой силы, чтобы скинуть советскую власть. А почему? Народная это власть — вот почему, — отвечал Лепёшкин. — У народа хребет богатырский. Руки ему ломаешь. Ноги ему ломаешь. Душу не перебьёшь.

— Верно, — гудят матросы.

Потом комиссар стал говорить о партийном съезде. О докладах товарища Ленина. Много вопросов стояло на съезде. Стоял и военный вопрос.

— Чтобы побить врага, нам нужна железная дисциплина, — говорил комиссар. — Ленин так и сказал: «железная», «революционная», «строгая».

— Правильно, — соглашались матросы.

— Без порядка никак нельзя.

— Что же тут спорить. Прав, конечно, товарищ Ленин.

После беседы собрались матросы на палубе. Слово за словом о том, об этом. Кончилось тем, что заспорили вдруг матросы — кем бы Ленину быть, если бы Ленин служил на флоте.

— Боцманом! — выкрикнул кто-то. — Раз он до порядка такой охочий, боцманом, значит, ему и быть.

— Дура! — вскипел Наливайко. — Ты подковырку в карман убери. За Ленина душу пушу по свету.

— Так ему!

— Верно!

— Стойте, братишки, да я же без злобы, — едва отбилсЯ оплошавший матрос. — Я и сам хоть кому шею сверну за товарища Ленина.

Продолжают балтийцы спор.

— Ленину быть комендором, — заявили Хохлов и Зига.

— Торпедистом, — шумят торпедисты.

— Минёром, минёром! — кричат минёры. — Кто под буржуев мину подвёл? А? Пиши в минёры товарища Ленина.

С разных сторон летят предложения.

— Да не кричите вы! Стойте вы! Тише! — перекричали других машинисты. — Что на судне главнейшее? Котлы и турбины. Без них корабль что телега без четырёх колёс. В механиках первой статьи — вот где место Ульянова-Ленина.

Спрячут матросы.

Каждый стоит на своём. Каждому хочется, если такое случится, что Ленин придёт на флот, к Ленину быть поближе.

Здесь же стоит и Нюта. Тоже о Ленине думает. Повернулись матросы к ней.

— А ну, разреши-ка наш спор, братишка.

— Верно, как скажет дитё, так, стало, на этом быть.

Притихли матросы, ждут, что же ответит им девочка.

Не ожидала такого Нюта, смутилась.

— Да ты не тяни!..

«Канониром, минёром, механиком», — кем же действительно Ленину быть? Не знает Нюта, что же ответить.

— Пусть остаётся Лениным, — тихонько сказала девочка.

Рассмеялись матросы.

— А что же, пожалуй, решила вернее всех!

Огонь, заключённый в круг

— Это ты верно сказал, братишка, — хвалил вечером Виров Нюту. — Ленин у нас один. На самом правильном месте. Я-то не зря молчал.

Стоят Нюта и Виров на носу «Гавриила». Смотрит Нюта на воду, на Финский залив. Другие корабли стоят на Кронштадтском рейде. Сторожевые суда «Горностай» и «Куница», подводные лодки «Пантера» и «Рысь», крейсер «Олег». А вот и линейный корабль «Петропавловск». Занял полморя, занял полнеба. Пушками вдаль глядит.

— «Если бы Ленин служил на флоте»... — усмехнулся матрос. — Эка какую придумать штуку. Оно хоть и просто так, для забавы. А всё же прикинь, откуда такое идёт? Любят матросы Ленина. Отсюда идёт. Хотя бы вот я, к примеру. Да я за товарища Ленина...

В море садится солнце. Большое-большое, яркое-яркое. Огонь, заключённый в круг. Чуть страшно Аниуте. А вдруг закипит от такого море?

— Да, второго такого нет, — как бы сам с собой рассуждает Виров. — К нему, братишка, валом валит Россия. Малое горе, большое горе — каждый к нему идёт. Хотя бы вот я, к примеру. Чуть что — возьму и пойду. Мол, Владимир Ильич, такое-то вышло дело. Слушает, даёт совет. А в конце: «Держитесь, товарищ Виров»...

Совсем размечтался матрос. Волна о борта ударяет. Звёзды кольнули небо.

— А наш комиссар Лепёшкин? Такой, братишка, не подведёт. Дружки мы с Лепёшкиным, — говорил доверительно Виров. — С «Петропавловска» вместе. Он сюда комиссаром. Ну и, как видишь, Виров сюда. Самостоятельный наш комиссар мужчина.

Матрос замолчал. Холодок пробежал по палубе. Где-то в Кронштадте ударил колокол. Озябла, прижалась к матросу Нюта.

— Да, время смотри какое! Прав Лепёшкин, богатырский у нас народ. Человеки! Начинать с «Гавриила». Возьми Наливайку, возьми Иванова. Из

Китая приехал Ли. И ему не чужа Россия... Вот что значит товарищ Ленин, — неожиданно закончил матрос.

Коротки весной на Балтике ночи. Стал розоветь восток. Словно птица в гнезде, шевельнулась прозябшая Нюта.

— Да ты что же — всё здесь? Ты что же не спишь, братишка? — набросился Виров.

Над Кронштадтом всходило солнце. Огонь, заключённый в круг.

Матросы идут на берег

Зачастили матросы на берег. Зачем им на берег? Матросу корабль — и земля и семья...

Да, видимо, есть у балтийцев дела. Гостинцы приносят Нюте. Хохлов притащил ржаное печенье (другого в ту пору с огнём не найдёшь). Зига — забавную книжку. Ли раздобыл карамельку. Матрос Наливайко принёс ландринчик. Ценой не в копейку, не с ноготок. В матросский кулак ландринчик. На сосновой палочке петух-петушок. Шпоры, гребень, хвост петушиный. Славный достался Нюте гостинец. Хоть ешь, хоть смотри.

Ругается боцман Ванюта:

— Баловство, как есть баловство. С ума посходили совсем матросы. Как бабы, как няньки. Тьфу, тошно на вас смотреть!

Носят матросы гостинцы Нюте. Вот и минёр Иванов принёс. Долго шарил в брючном кармане, вынул нательный крест.

— Да сохранил тебя, Нюта, господь.

Нюта в бога не верит. Зачем ей нательный крест? Но тут явились гурьбой матросы.

— А ну, закрывай глаза.

Нюта закрыла.

— А ну, открывай!

Глянула Нюта — кукла! Царевна — не кукла. Кукла без малого в Нютин рост. Глаза закрывает, глаза открывает. В косах бантики, бантиком рот. Правда, кукла не очень новая — глаз у неё косит. А всё же кукла — в руках впервые.

Вспыхнула Нюта от радости. Но тут же смутилась. Какая ей нынче кукла. Кукла — матросу! Моргашка — матросу! Потупила Нюта взор.

— Да ты не стесняйся, бери, братишка!

— Нет, не возьму, — шепчет Анюта.

Силилась, силилась Нюта. Эх, не сдержалась девчонка. Потасила моргашку к себе на койку.

Проснулась однажды Нюта. Смотрит — на койке висят башмачки. Настоящие, точь-в-точь как матросские. Только маленькие.

— Откуда такие?! — воскликнула Нюта.

— Не знаю, — разводит руками Виров.

Бегала Нюта по кораблю. У всех спрашивала. Не признаётся никто, никто ничего не знает.

«Кто же принёс башмачки?» — в догадках теряет ся Нюта.

Усмехается Виров. Видимо, знает, да что-то молчит.

Яблочко

Раздувает гармонь мехи. Матросы на палубе пляшут.

— Вирова в круг!..

— Вирова в круг!

Вышел Виров в матросский круг. Замер, прислушался к такту. Для пробы левой, правой ногой при- топнул. Хлопнул в ладоши над головой, по груди, по коленкам хлопнул. Сдвинулся с места и вдруг...

Эх, яблочко, куда ты котишься...

Виров начал матросский пляс. Как шатуны в паровой машине, заходили матросские ноги. Дятлом клюнули в палубу каблуки и тут же ударили по доскам градом.

Разметались, как косы, ленты. Разлетелись, как крылья, ноги. Руки легли на грудь. Виров пошёл вприсядку.

Эх, яблочко, куда ты котишься...

Волчком закружился матрос. Каруселью прошёл по палубе. словно в бубны бьют моряки в ладоши. Гармонь, торопясь, задыхается.

Любуется Нюта балтийцем. Ноги сами собой от земли отрываются. Смотрит Нюта на новые башмачки: кто же ей подарил такие? Вот бы в таких, да самой бы в такой же пляс!

— А ну, выходи! — закричали матросы.

— Барыню, барыню!..

— Выдай цыганочку!

Только зачем же Нюте теперь цыганочка, не нужна ей и барыня. Нюте по сердцу матросский пляс.

Хотела Нюта, как Виров, вприсядку. Сжалась пружиной. Секунда — и выбьет лихой перепляс. И вдруг качнулась, не удержалась на месте Нюта. Растянулась на палубе впласт. Бескозырка слетела. Ворот загнул. Затылок о доски — стук. Шишка в пятак красуется.

Подбежали матросы.

— Я сама, — отстраняет их Нюта. Вскочила на ноги, гармонисту кивает: не жди, играй!

Запела гармонь переборами. А ну, не плошай, Анюта! Да только присядка — нелёгкий танец. Снова упала девочка. Рядом со старой — новая шишка, новый вскочил пятак. Опять поднимается Нюта. Снова лезет в матросский круг.

Переглянулись матросы.

— Ух ты, упорная девочка!

— Флотский, смотри, замах!

Однако тут появился Ванюта:

— А ну расходись!

— Как так, Семён Захарыч? — полезли матросы.

— Расходись, — повторил Ванюта. — Время военное. Какие тут игры, какие тут пляски. Где дисциплина? Забыли, что Ленин на съезде сказал?

При имени Ленина матросы притихли. Сжал гармонист мехи.

И вдруг:

— А ведь про пляски на съезде не было. Не было, — услышала Нюта знакомый голос.

Оглянулась — подходит Лепёшкин. Улыбается комиссар:

— А ну, гармонист, играй!

Разинулся рот у Ванюты: сам Лепёшкин пустился в пляс.

«Комиссар, а тоже туда же. Вот те и на!» — огорчился Ванюта.

Жеребчик

Всё случилось совсем непредвиденно. Как-то Виров Нюту повёз в Петроград. Нюта давно о таком мечтала.

Сидят они в катере. Смотрит Анюта на морскую форму, на свои башмачки. Хороши башмачки! Кто же ей подарил такие?

— Хороши башмачки, — соглашается Виров. — Добрый у нас комиссар.

— Комиссар?! Так дядя Лепёшкин их мне подарил?

— Он, он, Николай Петрович.

Радостно Нюте. Светит апрельское солнце. За бортом о чём-то приятном шепчет морская волна.

— Разные есть города на свете, — стал рассуждать по дороге Виров. — Есть город Лондон, есть город Нью-Йорк. Лүга — уездный наш город, — показал на себя матрос. — В Индии есть Калькүтта, у китайцев Шанхэй и Кантён. Ну, там Рим, и Берлин, и Париж, — сыпал названия Виров. — А всё же, считай, братишка, такого, как Питер, второго нет. Питер — великий город. Душа трудового класса. Никто не забудет семнадцатый год.

Ходили они по Литейному, ходили по Невскому, Летний смотрели сад. Стояли долго у Зимнего.

— Вот туточке, с этого самого места, — стал объяснять матрос, — балтийцы пошли на штурм. Между прочим, и я и Лепёшкин, — добавил он не без гордости.

— А вот тут (они стояли у Смольного) самое главное место, братишка, как раз и есть. Тут был товарищ Ленин. Отсюда зашагала советская власть.

Долго ходили Виров и Нюта по городу. В заключение балтиец решил не отстать от других и тоже Нюте купить гостинец.

Явились на рынок. Время голодное. И пусто и людно. И людно и пусто. Народу хоть отбавляй. А вот с едой-то не очень густо.

Картошкой торгуют поштучно. Рюмками меряют пшено. Дороже золота фунт конины.

Виров и Нюта шли как раз по мясному ряду. Толстый мордастый мужик у прилавка. Лузгает семечки.

— Жеребчик, жеребчик, кому жеребчик! — выкрикивает он лениво.

Напротив замерла женщина. По виду работница. Солдатка ли, вдовая? Косынкой худобу на лице прикрывает. Рядом два малолетка — два тоненьких, в

тростиночку, мальчика. Держат за юбку мать, жадно глядят на конину.

Хотел пройти матрос. Да что-то его удержало.

Глянул на женщину, глянул на мальчиков. То ли вспомнил кого матрос. То ли просто душа у него такая. Только вдруг подошёл он к мордастому мужику, наклонился к прилавку. Выбрал Виров побольше кусок, повернулся и сунул вдруг женщине.

Та обомлела, не хочет брать.

— Бери же! — прикрикнул Виров. Повернулся опять к мужику, достал из кармана деньги, отдал что было.

Пересчитал торговец кредитки — мало.

— Разбой! — завопил мужик.

— Ах ты шура! — взревел матрос, схватил мужика за грудки.

— Караул! — ещё пуще кричит торговец.

Отпустил его Виров, расстегнул, скинул с себя бушлат.

— Заткнись, — бросил его мордастому.

Женщина стояла окаменев, на лице показались слёзы.

— Да что же я! Да право же, как? Да нет же. Заберите быстрее бушлат, — говорила она и протягивала конину Вирову.

— Но, но! — прикрикнул матрос, глянул на ребятшек и вдруг сказал тихо-тихо, словно горло ему сдавило: — Бери же, неумная. Может, им жизнь сохранит бушлат...

— Мразь, — помянул Виров торговца, когда они с Нютой оставили рынок.

Молча прошли два квартала. Свернули направо, вышли к Неве. «Вот и опять не купил гостинец, — сокрушённо подумал балтиец. — Что бы сделать такое для Нюты?» И вот тут-то Виров увидел автомобиль.

Это был новенький «роллс-ройс» — машина с открытым верхом. Автомобиль стоял у какого-то здания. Шофёр, рябоватый парень с длинным горбатым носом, важно сидел на переднем сиденье.

«Вот бы Нюту промчать по городу, — мелькнула мысль у балтийца. — Радость-то ей какая!»

— А ну, подожди, — обратился он к Нюте. Подошёл к парню, что-то тому сказал.

— Проходи, проходи, — отмахнулся парень.

— Уважь же, братишка, — просительно повторял Виров. — Да ей же такая штука считай как память на целую жизнь.

— Да что пристал! Не могу. Пойми, не могу.

— Ах, так... — не сдержался Виров. Он багровел, багровел. И вдруг вся злоба, не вылитая там, на мордастого, обрушилась здесь, на парня. — Попомнишь морской кулак!

Виров ударил с левой, ударил с правой, нацелил в горбатый нос. Парень вскрикнул, схватился за щёки. В ладони, как в чашу, брызнула кровь.

О бесчинстве моряка с «Гавриила» на следующий день было передано в Кронштадт на Балтфлот.

Стали выяснять, кто был в городе. Проверили — Виров. Впрочем, матрос и сам не отрицал мордобоя. Он лишь повторял:

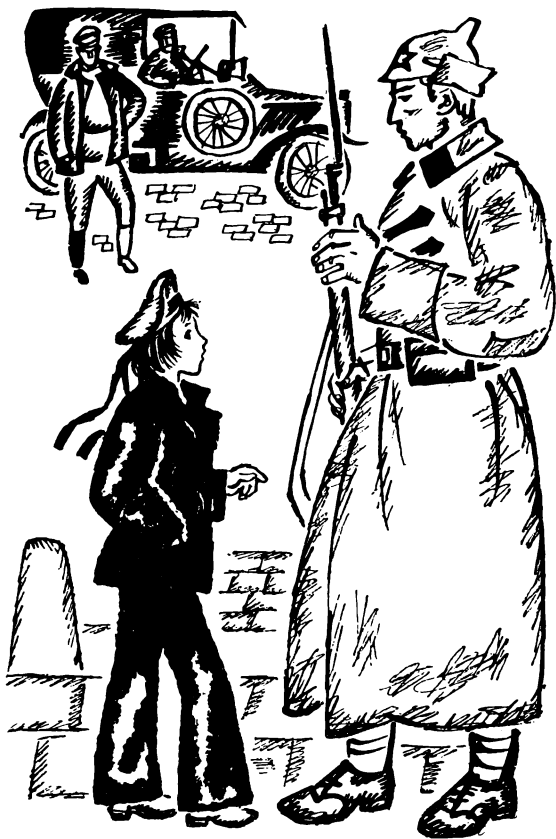
— Эх, не того побил. Оно бы мордастому врезать.

И снова Виров был в каюте у комиссара. А когда шёл обратно, всем стало ясно, что дело худо.

В тот же день на эсминце был объявлен приказ о списании Вирова с «Гавриила». В приказе значилось: «За факт, позорящий звание советского моряка, за нарушение революционных порядков и дисциплины». Сам Лепёшкин приказ читал.

Вместе с матросом ушла с эсминца и Нюта.

А вечером комиссар обнаружил в своей каюте подаренные девочке башмачки.

Глава вторая

БАШМАЧКИ

Ездовой

Одна из маленьких улиц Кронштадта — Флотская. Здесь находится прачечная и баня для моряков. Кто в среду сюда приходит, кто в пятницу, кто по субботам. Что ни корабль, то специальный отведён день. То-то шуму тогда на Флотской!

Сюда же возят бельё для стирки. Никогда ещё Нюта не видела столько простыней и рубах.

Нюта живёт при прачечной. В одноэтажном кривом бараке, с окнами в дальний двор. Виров списан сюда с эсминца. При бане и прачечной он ездовой: бельё развезти, дров привезти, напилить, наколоть — вот и вся у него работа.

Ездовых не один, а три. Дядя Дунай, дядя Архип и третий Василий Виров. Оба дяди не моряки, а солдаты Кронштадтского гарнизона. Обоим по сорок лет.

По негодности к строю оба приписаны к бане. Виров среди них, что дуб в мелколесье. Ударит в кругляк — гудит топорище. Кобылу свою, если та заупрямится, как телёнка, сгребёт в охапку и между дышел в момент поставит.

Как на чудо сбегаются прачки глядеть на Вирова.

Нюте и здесь неплохо. А в чём-то, пожалуй, и лучше. Кронштадт не корабельная палуба, не сотня квадратных сажений. Кронштадт — город: площади, улицы. Можно сбегать на Якорную, можно сходить на Июльскую. Да и Флотская чем не улица. Напоминает Нюте родной Миасс.

А вот Виров совсем загрустил. Нет ему жизни без моря. Кончает Виров работу, к морю быстрее спешит... Сядет у берега. Долго сидит один. Всё смотрит и смотрит на воду, на синюю даль и ширь.

— Водичка... Родная... Соль и бурун.

Потом нагнётся, подчерпнёт ладонью воду, брызнет себе в лицо. И чудится вдруг балтийцу, будто бы шторм опалил его. Дышит, дышит Виров морской прохладой, не может от моря уйти.

Если бы солнце прогнали с неба. Если бы птицам сломали крылья, а рыб не пустили в воду. Если бы детям — запрет смеяться. Так вот и Вирову.

Стонет, тоскует по морю, плачет навзрыд душа.

И Нюта места себе не находит.

— Это я принесла беду! Я, — повторяет Нюта.

Проснулся однажды Виров...

«Эх, Лепёшкин, Лепёшкин, товарищ Лепёшкин!» — не может Нюта простить комиссару, что списали балтийца на берег.

Жалеет Нюта Вирова. Понимает, что у того на душе. Глянет, что едет он на кобыле, сердце щемит.

Матрос на кобыле! Комендор и вдруг с сыромятным кнутом.

Достаётся кобыле от Вирова.

— У, безногая, у, колченогая! — то и дело матрос кричит.

Достаётся кронштадтским прачкам.

Достаётся обоим дядям:

— У, безрукие, чёрт побори!

Срывает Виров на окружающих злость. Только Нюту одну не трогает.

Нет-нет и забегут с «Гавриила» навестить моряка приятели. То Наливайко, то Зига, то Наджми, то товарищ Ли. Посидят, об эсминце ему расскажут... Матросы уйдут, а Виров опять за своё. И снова несётся:

— У, безногая, у, колченогая!.. У, безрукие, чёрт побори!

Задумалась Нюта. Хочется Вирову ей помочь.

— Дядя Василий!

— Ну что?

— Давай так, чтобы я на Марфутке ездила. (Марфутка это и есть кобыла.)

Отрицательно качает матрос головой.

— Дядя Василий!

— Ну что?

— А если так, чтобы вовсе забыть про море?

Отрицательно качает матрос головой.

Как же помочь балтийцу? Думала, думала Нюта.

И вдруг...

Проснулся однажды Виров. Глянул — нет Нюты. Пустует её кровать.

Вскочил как ужаленный Виров.

К дяде Дунаю:

— Где Нюта?!

К дяде Архипу:

— Где Нюта?!

Прачек криком перепугал:
— Где Нюта? Где Нюта? Где Нюта?
Нет Нюты.

„Совесть, товарищ, знай!“

Москва. Привокзальная площадь. Булыжник-ворец лежит.

Вышла на площадь Нюта, осмотрелась по сторонам.

— Куда тебе, девочка?

— Мне-то? К товарищу Ленину.

— К Ленину? По Мясницкой давай ступай.

Обгоняет Нюта прохожих. Полусапожки чеканят шаг.

Вот и Лубянская площадь. Стена Китай-города украшает вид.

Остановилась Нюта.

— Куда тебе, девочка?

— Мне-то? К товарищу Ленину.

— К Ленину?! По Никольской давай ступай.

Шествует Нюта. Обгоняет прохожих. Полусапожки чеканят шаг.

Вот и Красная площадь. Знаменитая площадь. Замерла Нюта. Чудом из сказки Кремль-богатырь стоит.

— К Ленину? — переспросил часовой у Нюты. — Да откуда же ты такая?

Нюта ткнула на свою бескозырку.

— А, понятно. Черноморский, сдаётся, флот.

— Балтийский, — поправила Нюта.

— Ну, а зачем тебе к Ленину?

Нюта замялась. Что же ему сказать?

— По важному делу.

— Понятно. Значит, по адресу.

Часовой, красноармеец в длинной шинели, повёл Нюта к приёмной Ленина.

— Только ты совесть, товарищ, знай! — неожиданно грозно сказал провожатый. — Не чай распивать идёшь. Сказала, что надо. «Спасибо. Будьте здоровы, простите, Владимир Ильич».

К Ленину Нюта попала только под вечер. Очень занят Владимир Ильич. Выступал на каком-то заводе. Провёл одно за другим три ответственных заседания. Принимал делегатов с Восточного фронта. Отправлял телеграммы на Южный. В номер газеты «Правда» срочно кончал статью. Не перечислить всех ленинских дел. А всё же время нашёл для Нюты.

Дожидалась Нюта в приёмной Ленина, не заметила, как заснула. Вдруг слышит сквозь сон слова:

- Товарищ ко мне?
- К вам, Владимир Ильич.
- Давно отдыхает?
- Не менее часа.
- Ну что же — тогда будите.

„Понятно, товарищ Ленин“

Нюта вошла в кабинет. Вот он, товарищ Ленин. Не очень рослый, не очень низкий. Не худой и не полный. Молод — не скажешь. Старым — не назовёшь.

Улыбается Ленин:

- Будем знакомы — Владимир Ильич.
- Нюта, — ответила Нюта.
- Вот и отлично. Садитесь, товарищ Нюта.

Набралась девочка духу, хотела сразу сказать о Вирове. Однако Ленин опередил.

— Расскажите, товарищ Нюта, мне про Балтийский флот.

Немногое знает Нюта о флоте, а всё же не растерялась.

Рассказала о «Гаврииле» («он самый быстрый корабль на флоте»), про то, как солнце садится в море («аж дрожь от такого берёт»), про комиссара Лепёшкина, про смазчика Ли («и ему не чужа Россия»), потом про пассаты, потом про муссоны и даже про рынду и рым.

Внимательно слушает Ленин.

Наконец улучил минутку, подошёл к приоткрытой двери.

— Попросите мне и товарищу Нюте принести по стакану горячего чая.

Приносят в комнату чай.

— Пейте, товарищ Нюта.

Не решается Нюта, помнит строгий приказ провозжатою.

— Не стесняйтесь, пейте, — опять предлагает Ленин. — Не обещаю, что сладкий, но ручаюсь — горячий.

Не решается Нюта.

Видит такое Ленин.

— Вот что, товарищ Нюта, как гостю, вам — начинать. Так что не будем спорить. Надеюсь, вы не хотите оставить меня без чая.

Отхлебнула Нюта глоток. И Ленин глоток отпил. Нюта опять глоток. И Ленин глоток.

Улыбаются Ленин и Нюта друг другу. Глоток за глотком, глоток за глотком. Не заметила Нюта, как пустым оказался стакан.

Совсем осмелела Нюта. Придвинулась ближе к Ленину и принялась вдруг рассказывать Владимиру Ильичу про то, как спорили матросы на «Гаврииле»,

кем бы Ленину быть, если бы Лениц служил на флоте.

Начала и вдруг испугалась.

Смотрит на Ленина. Нет — кажется, ничего. Не насупился Ленин, а даже, наоборот, как-то мягче стала его улыбка.

— Минёром! — рассмеялся Владимир Ильич. — Это я-то — минёром. Как вы сказали: «под буржуев мину подвёл». — Ленин заразительно расхохотался.

Нюта заметила: даже слезинки от смеха у Ильича набежали в глазах.

Наконец Владимир Ильич успокоился.

— Сравнение, допустим, верное. Только я уж тут ни при чём. Ни при чём, — повторил Ленин. — Ходом самой истории старый строй подложил под себя эту мину, — сказал Владимир Ильич серьёзно.

Даже на «боцмана» Ленин не рассердился. А снова смеялся. И Нюта смеялась.

— Передайте матросам, товарищ Нюта, что лично мне нравится должность боцмана, — заявил Владимир Ильич. — Вижу, Ванюта у вас человек требовательный. Это хорошо. А вообще товарищей моряков я вынужден огорчить. Морского образования не имею. Сожалею. — Ленин развёл руками. — Но это — факт.

«Ну, — решает Нюта, — пора про Вирова».

Выслушал Ленин. Слегка нахмурился.

Понимает Нюта, что самый главный сейчас момент. Эх, убедить бы товарища Ленина! Зачастила:

— Он все науки морские знает, Он города все на свете знает.

— Так, так, — склонил чуть-чуть набок голову Ленин.

— Он яблочко лучше других танцует.

Слушает Ленин.

— Он хороший, хороший, хороший, — почти закричала Нюта. — Душа у него хорошая!

Улыбнулся Владимир Ильич.

— Ах, вот последнее — это важно. Значит, вы могли бы поручиться за Вирова?

Могла бы? Да Нюта за Вирова...

— Вот и отлично! — Ленин опять улыбнулся.

Взял перо, придвинул бумагу и начал быстро писать — комиссару эскадренного миноносца «Гавриил» товарищу Лепёшкину. В деле матроса Вирова прошу ещё раз разобраться. Возможно, будут мотивы, позволяющие вернуть его на корабль. Что же касается Вирова, то, зная его по рассказам других товарищей, он, Ленин, может за него поручиться. И попросил, если возможно, учесть его просьбу. И расписался: *Ульянов-Ленин*.

Затем Ленин сложил записку и передал Нюте:

— Вот, если, конечно, поможет.

Нюта схватила записку.

— Спасибо, товарищ Ленин, — и, не простившись, бросилась к двери.

— Ну и пострел! — усмехнулся Ленин, вызвал помощника: — Проследите, чтобы девочке был обеспечен обратный проезд.

— Понятно, товарищ Ленин.

Не ожидал

Комиссар Лепёшкин не верил своим глазам.

Он смотрел на бумагу, на Нюту, а потом опять на бумагу.

Прочитал её раз, и второй, и третий.

«Читай, читай, товарищ Лепёшкин», — стоит торжествует Нюта.

Наконец комиссар опустил бумагу.

— Ну, брат Анята, не ожидал я такого. Не ожидал. — Лицо комиссара, к превеликому удивлению девочки, расплылось в улыбке, и он расхохотался. — Только ведь Виров, — сказал Лепёшкин, — на корабле. Выходит, пожелание товарища Ленина Владимира Ильича Балтийский флот уже выполнил. Вот так-то, брат Нюта.

Нюта так и присела.

А в это время по трапу, ведущему к комиссарской каюте, громыхал башмаками Виров.

— Нашлась, нашлась! Ух ты — в Москву. К Ленину! Сокол, братишка!

Плечом чуть не выбив дверь, балтиец влетел к комиссару.

— Братишка, братишка! — бросился к Нюте Виров. — Родной, ненаглядный... — стал причитать матрос.

Он сгрёб Нюту в свои здоровенные руки, мял её, словно куль, тормошил, смотрел в лицо, словно не веря, что это действительно Нюта.

Наконец опустил на пол.

— Жива, — только и молвил матрос.

И вдруг разразился каким-то неестественным, нервным смехом.

Разговоры

Несколько дней на эсминце не смолкали разговоры о поездке Нюты в Москву, к товарищу Ленину.

— Ну и ну! Сама, да в такую даль!

— Не убоялась!

— А Ленин доступный, смотри, человек.

И вот уже в какой раз до малейших подробностей приходится обо всём рассказывать Нюте. Слушают Нюту матросы, сами вставляют слова.

— Смотри, чаем поил. Значит, тот, в длинной шинели: «Раз-два. Будь здоров. Не задерживай». А Ленин вон оно как: «Товарищ Нюта, раз ты представитель Балтийского флота, не обижай, не отпущу, пока московских чаёв не отведаешь».

— Выходит, морского образования не имеет? А жаль.

— А как написал, с уважением: если возможно...

И тут же возник разговор о комиссаре Лепёшкине.

— Нет, всё же правильный у нас комиссар. Мыслит тоже, считай, по-ленински... Наказал, ну и хватит. «Бросай кобылу, возвращайся, Виров, назад, на корабль».

Потом девочку в сторону отозвал Ванюта:

— Ну, ну, так что Владимир Ильич про меня сказал?

Нюта слово в слово всё передала.

— Одобрил, значит, — крикнул Ванюта. — Ну, лешие, — повернулся он в сторону моряков, — чтобы теперь у меня по струнке... — Опять повернулся к Нюте: — А тебе бы — того, оно бы в приют.

Ох уж этот Семён Ванюта!

Накаркал всё же Ванюта. Вскоре у комиссара Лепёшкина снова произошёл разговор с балтийцем.

— Да как же так? — расшумелся матрос. — Чтобы снова она ничейная?

— Зачем же — ничейная. Ей же там будет лучше. Да и мы не забудем. Пойми — ну будь хоть торговый, у нас же военный флот. А время? Да что говорить, не мирное нынче время.

— Нет, — повторил матрос. — Вот что, — сказал, поразмыслив. — Увезу я её под Лугу, словом, в деревню, к своим.

— Ну что же, — сказал Лепёшкин.

Объяснил балтиец Нюте, в чём дело.

— Поедешь?

— Поеду, — тихо сказала Нюта.

Простились матросы с Нютой. И Наливайко, и Зига, и Хохлов, и Наджми, и товарищ Ли. Простился и боцман Ванюта.

Попрощался и комиссар Николай Петрович Лепёшкин:

— Ну, брат Нюта, помни Балтийский флот.

А как башмачки?

Увозила Нюта с собой башмачки.

Глава третья

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Недобрый час

Хоронили старого Вирова. Старик умер неожиданно, без всякого к тому повода. Ещё днём выходил на поле. Смотрел на весеннюю благодать, на зелень озимых, на кусты при дороге, что бросили в этом году особенно длинную ветвь. А вечером вернулся домой, лёг и больше не встал.

Хоронили без музыки. По-крестьянски. На телеге покойника привезли к сельскому кладбищу. Такие же старики, как и сам умерший, покрякивая, сняли гроб.

Местный священник отец Капитолий произнёс отпевание. Гроб опустили в могилу. Ударили в крышку комья водянистой весенней земли. Вырос холм-бугорок.

Старуха Вирова, или просто Вириха, как называли её в деревне, жилистая, небывало высокого роста женщина, не проронила ни единой слезы. Она лишь как-то упрямо смотрела в землю и прижимала по-бабьи к губам край платка.

Смерть не являлась для неё чем-то особенным.

Тридцать лет тому назад хоронила первенца — Гришу. Тогда были и слёзы, и плач, и крик. Всю ночь провалялась несчастная женщина под берёзой у свежего холмика. Потом хоронила двух дочерей — Глашу и Ньюру, одну за другой, через год. Затем пошли братья и сёстры, племянники, племянницы, внуки. В германскую войну пришла весть о гибели сына Ивана. Третий, Авраамий, угодил под офицерские пули во время июльской демонстрации рабочих и солдат в Петрограде.

Не перечислить потерь и смертей.

Здесь же рядом с матерью стоял горбун Митя — меньшой в семье Вировых. Было ему лет двадцать, но по виду казалось значительно меньше — совсем мальчик.

Ещё в детстве за то, что не усмотрел и упустил корову на барские травы, Митя был покалечен местным помещиком графом Щербацким. С той поры и вырос у мальчика горб. Митя был набожен, чуть с придурью.

Вот и сейчас Митя стоит на коленях, по-старушечьи быстро крестится.

— Ангелы, ангелы, — выводит пискливо Митя. — Вы осторожно несите батю. Тихо, тихонечко, — и бьёт об землю, как в бубен, лбом.

Похоронили старого Вирова. А на следующий день прибыли балтиец и Ньюта.

Балтиец приехал, балтиец уехал. Неполные сутки он пробыл дома.

Сходил на могилу к родителю. Вместе с соседом Юхимом Заборновым поставил дубовый крест. Полушалок накинул на плечи матери. Отдал Мите пару белья и тельняшку.

— Ну, братишка, недобрый нам выпал час, — сказал он, прощаясь с Нютой. — А всё же голову выше держи, братишка. По-морскому гляди — вперёд!

Проводили матроса.

— Значит, Нюра? — спросила старуха.

— Нюта, — ответила Нюта.

Деревня, в которой осталась девочка, была небольшой — дворов в тридцать. Большинство изб покосившихся, с подгнившими дощатыми крышами. Жались они к реке, к спокойной в этих местах и уже довольно широкой Луге. Кроме главной улицы, шло два или три проулка. Один из них спускался к самой реке, когда-то здесь был паром через Лугу. Однако с самой германской войны паром куда-то угнали.

Леса поблизости не было. Приходилось идти версты три. Однако рядом с селом находился саженный парк, и в нём имение графа Щербацкого.

Деревня раньше считалась вроде бы как при этом имении. Однако в семнадцатом граф бежал. И роли теперь поменялись. Вышло как бы наоборот. И парк, и господский дом оказались теперь при деревне.

Мужики дом не разрушили, парк не вырубил. А после долгих споров и пересудов около года тому назад образовали в имении трудовую коммуну, или, как называли её сами крестьяне, коммунию.

Деревня называлась «Ромашки». Название красивое, редкое в этих местах.

Одни, молодые, говорили, что произошло оно от

тех самых ромашек, что так буйно цветут по весне на луговой стороне реки.

Другие, старики, утверждали, что дело вовсе не в этом, а в том, что первая на этом месте изба была поставлена озорным мужиком Романом Задорновым. И, мол, раньше деревня называлась по его имени просто Ромашка, а потом уже стали Ромашки.

Возможно, это и так, ведь половина села носила фамилию Задорновых. А все Задорновы, и мужики и особенно девки, и вправду были в Ромашках самыми озорными.

Впрочем, это был давний спор.

Первый бой

Нечастое диво в Ромашках — девчонка в морской форме.

Бабы на неё удивлённо глазеют. Мужики и те глазеют.

— Вот бы и нам штаны, — хихикают девки.

Зато мальчишки ходят за ней табунами.

— А ну, покажи тельняшку.

— Стрижену голову, стрижену голову нам покажи.

— Дай поносить бескозырку!

Нет жадности в Нюте. Идёт бескозырка из рук в руки, перепрыгивает с головы на голову.

С завистью смотрят из окон девчонки. Разбежались от них кавалеры. А мальчишки и вправду как женихи. Волосы стали причёсывать, шею и уши мыть. Целый день неотступны от Нюты. Расскажи им про то, Расскажи им про это. Морскому делу дай обучи.

Приступила Нюта к делам морским. Облюбовала старый без крыши овин, стоявший у самой Луги.

Заберёшься на чердачный настил — словно стоишь на палубе. Стрехи, если иметь фантазию, могут сойти за мачты и реи. И если стоять не у стен, не у края, а чуть отступить и глянуть теперь на Лугу, то берег совсем не виден, и сдаётся, что река обтекает стены овина. И сам овин теперь не овин, а эсминец, идущий по морю.

Наделали ребята верёвочных лестниц. Соорудили трапы и переходы. Укрепили бревно на манер трубы. Положили несколько брёвен, словно это орудия. Колья стали у них пулемётами. В самом овине, внизу, нагородили каюты и кубрики. К длинному шесту прикрепили красного цвета тряпицу — революционный флаг.

Ну скажите, чем не боевой корабль! Отправляй хоть сейчас в Кронштадт. Записывай в боевой отряд эсминцев Балтийского флота.

Заспорили о названии. Нюта предложила считать «Гавриилом». Однако другим ребятам такое название мало о чём говорило.

После долгих споров назвали эсминец «Стремительным». Ромка Задорнов, сын Юхима Задорнова — того, чей дом по соседству с Вировыми, принёс кисть и дёготь и на стенах овина с одной и с другой стороны «по носу» аршинными буквами вывел название.

Теперь Нюта взялась подбирать команду. Тут споров не было. Все выполняли то, о чём говорила Нюта.

В комендоры попали Задорновы Сенька и Пашка. Минёрами стали Задорновы — Филька и Илька.

Торпедистами тоже Задорновы — Авдей и Агапка.

Этих Задорновых в этих Ромашках не ошибёшься, куда ни кинь.

Братья Нефёдовы попали в котельные. Братья Лёни — в пулемётчики. Неелов Христоня назначен

марсовым. Агей Горемыка (и здесь невезение!) всего-то и навсего палубным.

Смотрит Нюта. А Ромка? Ромка остался без места. Назначила Нюта Ромку старшим над всей оружейной частью. Назначила и чуть покраснела.

Было неясным, что делать с Митей. Митя тут же, вместе со всеми. Взрослых парней горбун сторонился. Да те и не очень Митю к себе приглашали. Вот и крутился он всё с ребятами. В ребячьи игры с ними до этой поры играл. Обижали, правда, Митю порой мальчишки, бывало, и зло дразнили. Да то забывалось, и горбун снова и снова к ним приходил. Даже скучно как-то ребятам без Мити. Митя ходит теперь в тельняшке. Из всех, кроме Нюты, у горбуна самый матросский вид. И телом он шире, и руки сильнее, и скулы резче, чем у других, торчат.

«Пусть будет Митя у нас за Ванюту», — решает девочка.

— Пусть Митя боцманом будет, — произносит девочка вслух.

— Согласны! — кричат ребята. Хотя, что такое боцман, пока и не знают, впервые слышат.

Ну, а кем же быть Нюте? Кто догадался?

Конечно же, Нюте быть комиссаром.

И вот эсминец отправляется в дальний поход. Вот уже виден корабль противника. Крейсер, а то и линкор.

— К бою! — кричит Аня.

— К бою, — повторяет Митя-Ванюта.

Все бегут по своим местам.

Жерла свои поднимают пушки. У пулемётов залегли пулемётчики. Торпеды готовы к пуску.

— Пли!

Слышится первый залп. Дым повалил по палубе. Грозен огонь на «Стремительном». Не выдержал враг, трусливо даёт разворот.

— Не уйдёшь! — надрывается Нюта.
— Не уйдёшь! — голоса ребят.
— За нашу Советскую Родину из всех орудий —
огонь!

— Огонь! — повторяет Ромка.

Бабахнули пушки. Рассеялся дым. Смотрите, смотрите... Вы видите, тонет! Ура комендорам! Окончен тяжёлый бой.

— Благодарю вас, братишки, — произносит с достоинством Нюта.

Переглянулись ребята, моргают от удовольствия. Однако не знают, что отвечать.

— Отвечайте: «Служим трудовому народу!» — наставляет их Нюта.

— Служим трудовому народу! — в восторге кричат мальчишки.

А как-то перед игрой, на манер комиссара Лепёшкина, Нюта среди ребят проводила политбеседу.

Рассказала о положении дел на фронтах. О Колчаке, о Деникине. Об англичанах и американцах, что лезут к нам на Советский Север.

— И этим, смотри, не сидится дома, — повторила слова Лепёшкина. — Да только нет такой силы, чтобы скинуть советскую власть.

— Верно! — кричат ребята.

Потом рассказала о партии и растолковала, что такое есть РКП. И опять повторяла слова Лепёшкина:

— Партия — это не просто толпа людей. Это есть боевой отряд. Цвет трудового класса. Ленин ей положил начало.

И снова ребята кричали «верно».

А в самом конце Нюта рассказала о своей поездке в Москву и о встрече с товарищем Лениным.

— Ленин мне руку вот эту пожал, — показывала

она на свою ладошку. — И всё обращался: «товарищ Нюта».

Никто такому, конечно, не верит, а всё-таки слушают — здорово врёт девчонка!

Отец Капитолий

Не заметили мужики и бабы, как в Ромашках морские пошли слова. Оказались они переимчивы и даже очень и очень прилипчивы. Конечно, всё от ребят пошло.

Не говорят теперь в Ромашках о лестнице — «лестница», а обязательно скажут «трап». Бревно над колодцем теперь зовётся «брашпиль»¹. Кладки, с которых бабы в Луге стирают бельё, называются пирсом².

Редкий мужик теперь скажет, как раньше:

— Марья, подай армяк.

А скажет:

— Подай бушлат.

Не скажут: держи уздечку, а по-морскому:

— Держи бакштов³.

Даже сам батюшка Капитолий и тот морскими словами теперь заражён. Ризу свою называет рóбой, звонницу — марсом⁴, колокол — рындой.

А главное в том, что слово «братишки» к нему, как репей, пристало. Не прихожане теперь у него богомольцы, а только «братишки».

— Ну, братишки, помянем усопших.

— Братишки, господу богу дружно помолимся.

¹ Б р а ш п и л ь — лебёдка для поднятия якоря.

² П и р с — пристань, расположенная перпендикулярно к берегу.

³ Б а к ш т о в — верёвка, за которую обычно привязывают причалившую к кораблю лодку.

⁴ М а р с — «гнездо» на вершине мачты для наблюдения.

Он даже бога как-то назвал братишкой. Да, правда, тут же опомнился.

И вот то ли от скуки, то ли от зависти вдруг взбрела ему мысль и себе раздобыть тельняшку. Стал обхаживать Митю. Митя отдал. Надевал её отец Капитолий важно под рясу. В тельняшке рыбу ходил удить.

Отец Капитолий прожил в Ромашках немало лет. Он и в эти бурные годы здесь усидел.

Раньше служил:

«Долгие лета царю императору...»

Потом, когда скинули вдруг царя и правительство стало Временным, пел эти же самые «долгие лета» правительству Временному. А теперь так же исправно пел про советскую власть.

Поп любил горькую, любил приношения. Был он не то чтобы очень в селе почитаем, а всё же терпим крестьянами.

Верста

Сдружились Нюта и Ромка. Как случилось, сами того не заметили. То ли имена их друг другу понравились. То ли просто стояли их домá по соседству, и поэтому чаще виделись. А может, другие какие причины.

Только чувствует Нюта, что ей без Ромки как бы и скучно. И Ромка то же самое чувствует.

Встанет Нюта утром, а Ромка уже на улице. Крутится у ворот, дожидается. Стала Нюта подниматься ещё чуть пораньше. Заметил Ромка такое, сам ещё раньше является.

Нравится это Нюте.

Ромка водил Нюту по графскому имению, всё показал, про всё рассказал. Ромка катал Нюту на Арапчике и сам за уздечку коня держал. Ромка сунул

Нюте в карман карамельку — ту, что из ближайшего города Ямбурга Ромке отец привёз.

А как-то Ромка и Нюта ходили на берег Луги. Да не сюда, не к краю села, а с версту отошли по течению.

Были первые числа мая. Остановились они на лугу. Ромка смотрит на Нюту. Нюта смотрит на Ромку.

Стоят и молчат.

Потом Ромка решил искупаться. Он и Нюте сказал:

— Смелей.

Нюта смутилась. Что же ответить? Нюта плавать совсем не умеет. Засмеёт её Ромка. Пиши пропала слава твоя морская, весь твой балтийский авторитет.

— Я плавать в реке не обучена. Мне бы море... — схитрила девчонка.

Понял, конечно, Ромка, в чём дело. Не такой уж дурак. Да вида, однако, не подал. Не стыдил, не смеялся над Нютой, а просто сказал:

— Да ты не смущайся. Я враз научу.

Ромка сажёнками плавать умеет. Ромка нырять мастак.

— Ты, главное, Нюта, не трусь, — наставляет мальчик. — Вот так. Вот так. А говоришь, что в реке не умеешь плавать!

Говорит такое Ромка, конечно, для вида. Нюта пока как топор на воде. А всё же слышать от Ромки такое приятно. Всё смелее она, смелее. Глядишь — потихоньку пошло.

Потом Ромка прыгал по берегу. То на одной ноге, то на другой. Из ушей вытряхивал воду. И Нюта тоже прыгала. И оба они смеялись.

Потом, взявшись за руки, дети помчались домой. В лицо дул ветер. Смеялось солнце. Шептались травы. И было бежать не трудно, а как-то совсем легко.

Было забавно. Забавно и весело. И только стучало сердце.

Затем Ромка остановился. Пошли они шагом. Всё тише и тише. И Нюте вдруг стало жалко, что вот и кончается эта верста, а с нею и этот день. И Ромке, видимо, стало жалко. Неожиданно он повернул назад. Нюта не заупрямилась. И снова они пошли к реке, к тому же самому месту.

А потом и ещё и ещё раз. А потом... Нюта сбилась потом со счёта.

Коммуна

Коммуна в Ромашках была неокрепшая. В чём-то коммуна, а в чём-то пока и нет.

Ещё тогда, когда решался вопрос о её создании, голоса разделились. Все Задорновы были «за». Присоединились к ним лишь Вировы и Горемыка. Не все крестьяне вступили тогда в коммуноу.

Потом, когда решали, что́ обобществлять, опять голоса распались. Тут даже среди самих Задорновых не было полного лада. Одни считали, что общим надобно сделать всё: и плуги, и бороны, и коров, и овец, и курей. Другие, чтобы курей оставить. Из-за курей-то и вышел спор. После немалых криков птицу всё же не тронули.

Инициатором ромашкинской коммуны был отец Ромки Юхим Задорнов. Он стал её председателем.

В первый же год коммунары собрали неплохой урожай. И рожь и лён выдались славными. К удивлению тех, кто испугался объединения, жизнь в коммуне заладилась.

У каждого из коммунаров были свои обязанности. Старуха Вирова была назначена старшей по уходу за стадом.

После смерти мужа старуха всё время пропадала

на скотном дворе. Домой приходила поздно. А то и вовсе оставалась ночевать при коровах. Отёл этого года был удачен. Забот и хлопот хватало.

Домашние дела теперь полностью ложились на Митю. И он вместе с Нютой неплохо со всем справлялся.

А вечером Митя любил рассказывать Нюте сказки. Знал он их много. И про царевну Несмеяну, и про Лягушку-царевну, про перо Жар-птицы, про Серого волка, про злую бабу-ягу. Каких только сказок Митя не знал! Рассказывал их горбун не торопясь. Часто в лицах, подражая то крику птицы, то рёву зверя, то скрипучему кашлю Кощея Бессмертного.

Нюта ахала, замирала, мороз пробежал по коже. То её обступали густые леса, то открывались бескрайние дали. И Митя как Митя совсем исчезал. И изба уже не изба. А кругом шелестит трава, бьются ветви над её головою, и бесшумным кошачьим шагом, не касаясь земли, задев Нюту горячим боком, мчится на помощь к Ивану-царевичу Серый волк.

Потом Нюта с Митей садились ужинать. Появлялись крынка с густым молоком и каравай душистого хлеба. Пил молоко Митя как-то совсем по-детски и улыбался.

Больше других Митя любил сказку про доброго волшебника и удивительную палочку, которая выполняла любые его пожелания.

— А где он живёт? — спросила Нюта.

— Кто?

— Добрый волшебник.

Митя задумался.

— В густом лесу, в тридесятом царстве.

— И он всё может?

— Может, — убеждённо ответил Митя.

«Вот повстречать бы такого волшебника, — дума-

ла Нюта. — Попросить эту самую палочку и сделать так, чтобы Митя больше не был горбатым».

Мысль о волшебной палочке глубоко запала девочке в душу.

А как-то Митя вытащил из-под своей лежанки резной сундучок. Вынул из кармана ключ, открыл крышку. Чего там только не было! Какие-то железки, подкова, гвозди. Кусок муаровой ленты, заячий хвостик, газетные кульки с семенами пеонов, настурций, левкоев — Митя любил цветы.

А в самом низу обёрнутая холстиной лежала граната.

— Граната! Зачем же она тебе? — подивилась Нюта.

— Да так, пусть лежит, — простодушно ответил Митя.

Тридцатое царство

Понимает, конечно, Нюта, что всё, о чём рассказывал Митя, это всего-то навсего сказки. Всё это выдумки. И про бабу-ягу, и про Царевну-лягушку, и про всё другое. Только вот с этой самой волшебной палочкой... Тут Нюта не очень уверена. А вдруг где-то и вправду живёт подобный волшебник. Хочется Нюте, чтобы волшебник жил.

Заговорила как-то Нюта с Ромкой. Вначале про Митин горб. Потом про волшебную палочку. Но осторожно, вскользь, так, между прочим, вроде случайно.

— Волшебная палочка? — переспросил Ромка. — Сказки, — ответил он коротко.

Потом как-то Нюта встретила бабушку, отца Капитолия. И к нему обратилась с таким же вопросом.

— Есть волшебство. Есть, — ответил бабушка. — От бога оно. Пусть Митя усерднее богу молится, — и перекрестил девочку.

Наконец Нюта решила отправиться в лес.

Ушла с самого утра, проходила до вечера. Но нигде никакого волшебника так и не встретила.

Огорчилась, конечно, Нюта. Но тут же себя успокоила: «Да разве может быть так, чтобы сразу же в первый день и пришла удача».

И Нюта продолжала ходить.

— Ты где это всё пропадаешь? — стал волноваться Митя.

— Мы с Ромкой на реку ходим, — отвечала уклончиво Нюта.

— Что это тебя целыми днями не видно? — обиженно спрашивает девочку Ромка.

— Мы с Митей щели в избе конопатим, — врёт не краснея Нюта.

И вот как-то Нюта ушла далеко-далеко. Прошла мелколесье, дубовый бор, пересекла овраг и большую поляну. За этой поляной, местом недавней порубки, начинался старый, дремучий лес.

Перемешались здесь берёзы, осины, ели. Переплелись в затейливом узоре хвойные лапы, суки и ветви. Небо скрылось от взора. Солнце скрылось от взора. Под ногами сырость и мрак. Как змеи торчат коренья. Вот где оно, тридесятое царство.

Пробивается Нюта сквозь стену-чашобу. Где по гнилому бревну пройдёт, где заболоченный лог обойдёт, где под ёлкой, как зверь, пролезет.

Страшно Нюте одной в лесу. Каждый шорох её пугает.

То ли шишка сорвётся с ели, то ли хрустнет сучок под ногой, то ли птица в кустах шевельнётся. Страшно Нюте. А всё же идёт. Ради Мити она старается.

Ну где же ты, где же ты, добрый волшебник? Нюта из сил выбивается.

Солнце стало клониться к закату. Пора возвра-

щаться домой. Однако упряма девчонка. Решает: хоть немного ещё пройду.

Лес поредел. То тут, то там промелькнёт поляна. Тропка легла под ноги — чуть заметный, кем-то хоженный путь. Двинулась Нюта по тропке — может, волшебника это след.

Уходит Нюта всё дальше и дальше. От полянки к полянке, от ёлки к ёлке, с одного бугорка на другой.

Не заметила Нюта, как свечерело. Серость легла на лес.

Не мешкай, возвращайся назад, Нюта! Несладкое дело — ночь коротать в лесу.

— Минутку, ещё минуту, — шепчет себе Нюта. — Вот только туда, до того вот открытого места.

Сделала девочка шаг и вдруг застыла, замерла Нюта, словно кто-то ей руки и ноги сковал.

Перед Нютой, у самого носа, в шаге всего от неё, стоит, прислонившись к берёзе, волшебная палочка.

Оглянулась девочка по сторонам.

— Волшебник, волшебник! — крикнула Нюта.

Тихо. Никто не ответил. Лишь эхо шмыгнуло куда-то в кусты.

— Волшебник! Волшебник!

И снова — лишь эхо.

Задумалась Нюта. Что же тут думать? Тут же всё понятно. Просто оставил волшебник ей палочку.

Бросилась Нюта поспешно к берёзе. Схватила свою находку. Руки дрожат. Сердце стучит. Прижимает Нюта находку к груди. В лесу совсем потемнело. В небе пробилась, мигнула огнём звезда. Рядом тотчас появилась другая — видать, прибежала подружка. Смотрят они на Нюту. И им интересно. Не часто такое бывает. В руках у девчонки — волшебная палочка.

— Палочка, палочка, — шепчет Нюта, — сделай так, чтобы я оказалась дома.

Закрывает Нюта глаза. Ну, думает, всё. Наверно, уже я дома.

Открыла. Вначале даже себе не поверила. Всё тот же лес, всё та же поляна, та же берёза.

«Поторопилась», — решила Нюта. Снова сомкнула веки. Стояла долго-долго. Ноги уже затекать начали. Опять открыла глаза. Всё тот же лес окружает Нюту.

«Я заклинаний, видать, не знаю. Эх, Митю бы сюда!» — подумала Нюта.

Страшное

Все эти дни Митю не покидало какое-то беспокойное чувство. Что-то тяжёлое давило на душу. Всё волновался за Нюту. «Луга — река глубокая. Ох уж этот мне Ромка!» — поминал горбун недобрым словом соседа.

Вот и сегодня. Вечер. Скоро совсем стемнеет. Не сидится Мите в избе. «А ну-ка, схожу на Лугу».

Переступил он порог, быстрым шагом пошёл к воротам. Смотрит — за воротами на дороге крутится Ромка. «Значит, вернулись», — подумал Митя.

— А где же Нюта? — спросил горбун.

— Как — где? — поразился Ромка. — Вы же избу с ней конопатите.

— Избу?

— Ну да, — ответил Ромка. — С утра и до вечера.

Захлопал Митя глазами. Что такое? Не может понять.

— Не конопатим мы вовсе избу, — ответил Митя. — Это вы чуть свет убегаете с ней на Лугу.

— На Лугу?! — Теперь пришёл Ромкин черёд удивляться.

Смотрит Ромка на Митю. Смотрит Митя на Ромку. Обнаружился Нютин обман.

Смотрел, смотрел Митя на Ромку, и вдруг нашло на Митю то самое — злая его болезнь.

— Ангелы, ангелы... — зачистил Митя. — Зачем вы забрали Нюту? Ангелы, Нюта у нас одна...

Схватил Ромка Митю за грудки, затряс.

— Где Нюта? — кричал он в самое Митино ухо. — Где Нюта?!

Однако Митя смотрел на него водянистыми, ничего не понимающими глазами и лишь повторял:

— Ангелы, ангелы... Вы берегите на небе Нюту. Не пускайте её на Лугу. Нюта — царевна. Нюта у нас одна.

Нюте страшно. Она впервые оказалась ночью одна в лесу. Вот уже более часа Нюта бежит, бежит и бежит. Спотыкается, падает, поднимается и снова без оглядки несётся вперёд.

Ей чудится, что сзади кто-то её догоняет. Она даже слышит шаги. Громкие, звучные. Словно где-то обух вбивает сваи.

Ветви хлещут её по лицу, царапают щёки и руки. Но Нюте кажется, что это вовсе не ветви, а злые духи тянут к ней свои длинные пальцы.

Она спотыкается об оголённые корни деревьев. И кажется ей, что это какие-то чудовища хватают её за ноги.

В ушах у Нюты гогот и свист. Весь лес дребезжит, хохочет и плачет.

Нюта затыкает уши. Она не в силах больше бежать. «Остановись, остановись!» — командует Нюта. Но ноги её не слушают. Они всё бегут и бегут. Словно огромной силы пружина спрятана где-то в Нюте.

И вот, раскручиваясь, она гонит её вперёд. И этому нет конца. Как нет конца лесу. Как нет конца страхам.

Но вот пружина ослабла. Ноги переступили в последний раз. Девочка остановилась.

И сразу всё стихло. Исчезли визги и крики. Никто не хватает Нюту за ноги. Никто не царапает руки и щёки. Никто не вбивает сваи.

И лишь громко-громко стучит сердце. Бьётся, как птица в стекло. Вот-вот выпрыгнет сердце наружу.

Нюта переводит дыхание. Она почти успокоилась. Ночь. Тишина.

«Вот и не страшно, — думает Нюта. — Нисколько не страшно. Так, ерунда!»

И вдруг — прямо у Нюты над головой послышался тихий клёкот и сразу же душу рвущий на части крик. Это проснулся филин.

Нюта вскрикнула и потеряла сознание.

Филин глянул на девочку и, чуть разжав когти, переступил с лапы на лапу.

Царевич Ромка

Ромка не сразу догадался, где Нюта. Лишь потом, отойдя от Мити, он вдруг вспомнил последний свой разговор с девочкой, тот, в котором Нюта заговорила про волшебную палочку.

«В лес, ушла в лес», — как шилом кольнуло Ромку.

— Бог ты мой! — всплеснула руками Вириха. — Недоглядела. Дитё, несмышлёныш. — Она отставила подойник. (Старуха доила коров.) Её сухие, жилистые руки, как плети, повисли вдоль тощего тела.

— Там волки, — шептались ребята. — Там болота и трясины. Леший, леший её уволок.

Давно в Ромашках не творилось такого. Весть об исчезновении девочки неслась от избы к избе. И удивительно: никто не ругался. Дурного никто не сказал про Нюту. А говорили совсем иное.

— Дитятко. Она же для Мити. Для добрых дел.

Чуть ли не половина Ромашек тут же отправилась в лес. Ещё раньше, не заходя в деревню, прямо с графской усадьбы, побежала в лес и старуха Вириха.

— Ох, ох, — вздыхала она. — Не сберегла. Неужели и эту господь отымет?

Ромка нёсся вместе со всеми.

— Оно бы огню прихватить! — выкрикнул кто-то.

Тогда Ромка вернулся назад. Однако вскоре, люди ещё не дошли до леса, он появился снова. Верхом на коне. На любимом Арапчике, с горящим факелом, как с мечом, в руках.

Он пришпорил Арапчика и, словно в воду, нырнул в темноту.

Сколько пролежала в забвении Нюта? Час, два, а может, всего минуту. Только вдруг показалось Нюте, что кто-то её тормошит за плечи.

— Нюта, Нюта, — слышит Нюта знакомый голос.

Приоткрыла она глаза. Смотрит: лошадиная морда, догорающая головня, чей-то чуб и густые брови.

«Так это же Ромка!» — мелькнуло у Нюты, и снова закрылись глаза.

Когда Нюта пришла в себя, она уже была на спине у Арапчика. Нюта видит Ромку, чувствует тёплую холку лошади. Плечо её упирается в Ромкину грудь. В руках мёртвой хваткой зажата волшебная палочка.

Арапчик идёт шагом. Откуда-то сверху свисают

еловые ветви. Растворяясь в ночном небе, над головой у Нюты бесконечной чередой проплывают листья. И сквозь них, то исчезая, то вновь появляясь, всё с тем же любопытством смотрит на Нюту звезда, та самая, а рядом с ней и её подружка.

И Нюте кажется, что Арапчик вовсе не конь, а сказочный Серый волк. И Ромка не Ромка, а красавец Иван-царевич. И конь ступает не по земле, а бесшумно скользит по лесу. И плывут они в дальние дали, минуя ветры и грозы.

Нюте спокойно. Нюте на редкость радостно.

— Ты царевич? — спросила Нюта.

Ромка не понял и только повёл плечами.

Восточный фронт

Вскоре Нюта и Ромка снова пошли на берег Луги. Только не купались они теперь. Было ветрено. Низко ползли облака. Вода казалась стальной по цвету и была рябью в холодный берег.

Сидели вначале молча. Нюта вспоминала город и речку свою Миасс. Всё казалось далёким-далёким. Словно и вовсе не было. Ни того страшного дня и офицерских криков над кручей Миасса. Ни погребов, в которых сидела Нюта. Ни долгого и сложного пути в Петроград.

И то, что было после, тоже как-то забылось. Не то чтобы совсем. Нет. Нюта помнит и Вирова, и комиссара Лепёшкина, и Наливайку, и Зигу, и товарища Ли. Помнит «Гавриил» и Кронштадт. Но всё это как-то расплылось в сознании Нюты.

Ясно осталось одно — добрая память о людях. И о балтийцах, и о тех, кто укрыл её от расправы в Миассе, и о тех, кто принял её, как свою, в Ромашках.

Потом Нюта вспомнила про волшебную палочку.

Палочка оказалась простой клюкой, забытой в лесу у берёзы каким-то дедом. Хоть и посмеялся тогда кое-кто над Нютой, хоть и было обидно Нюте, что найденная палочка всего-то клюка, однако по-прежнему верилось Нюте, что всё же есть на свете волшебная палочка. И добрый волшебник на свете есть.

Почему-то она опять стала думать о Вирове, о комиссаре Лепёшкине, о старухе Вирихе и о многих других.

Сидели молча. И вдруг Ромка придвинулся к Нюте, стал серьёзный-серьёзный, наклонился и тихо сказал:

— Уезжаю я, Нюта. Буду бить белых. Ухожу на колчаковский фронт.

Нюта опешила, посмотрела на Ромку.

— Так это ого-го как далеко!

— Я быстро, — ответил Ромка. — Я на коне.

«Фантазёр», — подумала Нюта.

Однако утром, когда Нюта проснулась и глянула в окно, около ворот на привычном месте она не увидела Ромку.

Ночью, забрав Арапчика, Ромка исчез.

Зря Ромка бежал на Восточный фронт. Через три дня белые сами явились в Ромашки.

Глава четвёртая

„ПРОСТИ МЕНЯ, РОМКА“

Началось

етом 1919 года белые начали неожиданное наступление на Петроград. На помощь Колчаку и Деникину шёл генерал Юденич. Те двигались с востока и с юга. Юденич ударил с запада.

В первые же дни белые достигли реки Луги, заняли Ямбург. Один из отрядов вступил в Ромашки.

— Ну, прячь свою красоту, — кивнув на Нютин морской наряд, сказала старуха Вирова. — Нынче от тельняшки и бескозырки до могилы один шагок.

Жизнь в Ромашках как бы остановилась. Все притихли. Забились в избы. Ждали большой беды.

Однако белые пробыли в Ромашках всего одну ночь. Ничего дурного они пока не сделали. Постра-

дал лишь один отец Капитолий. И то по своей же глупости.

Произошло это так. Утром белые организовали церковный молебен.

Отец Капитолий, выпив для храбрости, важно явился в храм, развёл кадило, прокашлялся, басом запел:

— Во славу храброму русскому воинству, несущему защиту от исчадия ада — большевиков, во славу святой России да дарует вам господь силы во веки веков, аминь.

Всё шло хорошо.

Но вот батюшка увлёкся, забылся и крикнул своё «братишки».

Солдаты переглянулись. Офицеры насторожились.

— Богу, братишки, помолимся. Богу помолимся, — продолжал с увлечением батюшка.

То ли лишнюю чарку утром принял отец Капитолий, то ли просто забылся, только кончил батюшка совсем неожиданно:

— Помолимся, братишки, помолимся. Советской власти помолимся. Да сохранит её господь во веки веков!

От напряжения ворот поповской рясы расползся, и все увидели на груди отца Капитолия морскую тельняшку.

Уважая священный сан, батюшку не повесили. Однако тут же, на пороге божьего храма, белые содрали с него штаны и безжалостно избили кнутами.

— Ну, началось, — произнёс отец Ромки Юхим Задорнов.

И он не ошибся.

„До встречи, Юхим Силач!“

Правда, после этой истории несколько дней в Ромашках никто не появлялся. Белые проходили где-то рядом, но мимо.

— Может, нас и минует беда, — поговаривать стали в Ромашках. — Может, белые нас не тронут.

Юхим Задорнов на такие слова качал головой:

— Дожидались овцы добра от волка.

Красная Армия отступала. Бои шли уже где-то под Гатчиной. Нужно было решать, как поступить с коммуной. Хотели до лучших времён её распустить. Скот развести по дворам коммунаров. Общественное зерно разделить или ссыпать в тайные ямы. Хотели, но не успели.

Неожиданно в Ромашки приехал бывший графский управляющий Фаддей Лихоборов. Он придиричливо осмотрел барский дом и хозяйство. Ходил на конюшню, на скотный двор. Обошёл погреба и амбары. Порядком Лихоборов остался доволен.

Управляющий привёз распоряжение белых властей, по которому отнятые в 1917 году помещичьи земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь и всё прочее опять возвращалось старым владельцам. Мало того. За землю, которой эти два года пользовались крестьяне, причиталась арендная плата помещикам, и многое другое ещё причиталось.

— Большевикам теперь крышка, — потрясал Лихоборов какой-то бумажкой. — Советской власти считай что не было. Скоро приедет наш барин и благодетель. Так смотрите у меня, чтобы встречать, как отца, с хлебом и солью, — наставлял управляющий.

Крестьяне молча слушали эти речи. Вид у Лихоборова был грозный, начальствующий.

Однако потом по селу пошли пересуды.

— Советская власть — не репа! — выкрикивал

Юхим Задорнов. — Её свинячим рылом не сковырнёшь! Она, мужики, с копытом. Под нож, как телок, не станет. Правильно говорю?

— Верно, — гудели крестьяне.

— Гнать Лихоборова в шею!

На следующий день Юхим Задорнов, старуха Вирова и Иван Горемыка явились к управляющему.

— Вот что, Фаддей Захарыч, — начал Юхим Задорнов. — Уезжал бы ты подобру-поздорову. В общем так, словно тебя здесь и не было. Бери любого коня и — с богом.

Лихоборов поначалу упрямылся.

— Не зли, не испытывай, — предостерёг Горемыка.

— Уезжай, уезжай, батюшка, — повторяла старуха Вирова. — Оно же лучше, когда добром.

Лихоборов уехал.

Коммунары были довольны. В ту же ночь на бугре за Ромашками они вырыли глубокие ямы и ссыпали в них зерно. Скот же угнали в лесные овраги. Вместе со скотом ушла и старуха Вирова.

— Может, кого помоложе, — говорил ей Юхим Задорнов. — Куда тебе, Пелагея Никитична!

Старуха сделала вид, что не слышит:

— До встречи, Юхим Силаич!

Свиделись

Это было ночью. А утром...

Утром в Ромашки прибыла воинская команда во главе с молодым офицером поручиком Щербацким — каким-то дальним родственником тех самых Щербацких, имение которых и было в Ромашках.

Команду привёл Лихоборов.

Офицер был худ, роста среднего. Нос имел вздёрнутый, глаза маленькие, точь-в-точь пороссячи.

Нюте он не понравился. Она вспомнила слова Задорнова о репе и свиньячем рыле. Представила огород и офицера Щербацкого, который стоял на четвереньках и ковырял своим вздёрнутым носом землю.

Нюта не сдержалась, хихикнула.

Белые приказали всем жителям Ромашек собраться на деревенской площади. Щербацкий долго смотрел на крестьян, наконец произнёс:

— Коммунисты, два шага вперёд.

Никто не шевельнулся.

— Есть коммунисты?

— Есть, — вдруг раздался голос Юхима Задорнова. Он вышел вперёд.

— Есть, — сказал Горемыка и тоже вышел вперёд.

Затем вышли Задорновы Агей и Степан. Затем Клаша Задорнова. Затем старей-престарей дед Савелий Задорнов. Кончилось тем, что все коммунары вышли вперёд.

Поручик удивлённо повёл глазами. Потом помянул к себе Лихоборова и батюшку отца Капитолия. Они о чём-то стали шептаться. Батюшка услужливо кивал головой. Щербацкий достал блокнот и что-то записывал.

Затем батюшка и Лихоборов отошли, а поручик опять повернулся к собравшимся. Заглянув в блокнот, он выкрикнул:

— Крестьянин Юхим Задорнов.

— Крестьянин Юхим Задорнов, — прогудел стоявший рядом с офицером усатый фельдфебель.

— Я, — отозвался Задорнов.

К нему подошли солдаты, вывели из толпы.

— Крестьянин Иван Горемыка!

Вывели Горемыку.

— Крестьянка Пелагея Вирова!

Толпа молчала.

— Крестьянка Пелагея Вирова!

— Где крестьянка Пелагея Вирова?

Толпа молчала.

Тогда к Щербацкому опять подошёл отец Капитолий, потянулся к офицерскому уху. Поручик, выслушав, понимающе мотнул головой.

Кроме Юхима Задорнова и Ивана Горемыки, всех распустили. Через два часа солдаты приволокли в село и старуху Вирову. Всех троих посадили в подвал господского дома.

На следующий день они, как активисты ромашкинской коммуны, были повешены.

— Вот и свиделись, — сказала перед смертью старуха Юхиму Задорнову.

— Выходит, что свиделись, Пелагея Никитична, — ответил Задорнов.

„Всех сразу. Вот так!“

В день казни ромашкинских коммунаров на Митю снова напала его болезнь.

Он носился по селу и то пронзительно горько плакал, то заливался безумным хохотом.

— Ангелы, ангелы! — выкрикивал Митя. — Проснитесь быстрее, ангелы. Разбудите вы нашего боженьку. Сатана на земле...

Горбун подбегал то к солдатам, то к усатому фельдфебелю, то к самому офицеру Щербацкому.

— Глянь, глянь — дурачок! Песенку спой, дурачок, — гоготали солдаты.

— Пошёл вон! — отгонял Митю усатый фельдфебель.

Поручик Щербацкий брезгливо морщился и взмахивал перед самым Митиным носом нагайкой.

Всю ночь горбун простоял на коленях в углу избы под иконами. Он иступлённо бил головой о пол и тянул своё бесконечное:

— Ангелы, ангелы...

Нюта боялась к нему подойти. Она тихонько лежала на печке. Жалость к Мите, мысль о повешенных, жалость к самой себе заполнили душу девочки. Бессильная злоба давила Нюту. «Был бы Ромка, Ромка придумал бы...» — сжимала Нюта свои кулачки. Она лежала и молча плакала.

Потом Нюта уснула. Когда она снова открыла глаза, Мити в избе уже не было. Наступил день. Ярко светило солнце.

Девочка спрыгнула с печки, вышла на улицу.

Митя не бегал теперь по селу. Он неподвижно сидел у виселицы, смотрел на Пелагею Никитичну и что-то шептал.

В это время на площади появился поручик Щербацкий. Офицер остановился, посмотрел на Митю, на повешенных, усмехнулся.

Непонятно — то ли Митя услышал смех, то ли повернулся случайно, но вот он увидел Щербацкого.

Ещё минуту горбун сидел неподвижно, потом резко поднялся, подбежал к офицеру, уставился в свиные глазки Щербацкого и вдруг закричал:

— Сатана, сатана! Ангелы, ангелы, сатана на земле!

Щербацкий попятился. Митя потянул к нему руки, вцепился в военный френч. Поручик хотел оттолкнуть горбуна, но тот потрянул офицера с такой силой, что Щербацкому показалось, будто его голова отделилась от тела. Затем Митя схватил офицера, повалил, подмял под себя.

Но тут подбежали солдаты.

Митю оттащили. Щербацкий поднялся. Он был бледен. Глаза сузились, стали совсем крохотными.

— Вздёрнуты! — взвизгнул Щербацкий.

Белые схватили Митю. Через минуту всё было кончено...

В тот же вечер, вернувшись в избу, Нюта полезла под Митину лежанку, вытащила резной сундучок. Какой-то железкой она сбила замок, подняла крышку, достала гранату.

Потом она пробралась к дому Щербацких. Нюта заглянула в раскрытое окно бывшей графской гостиной. Там за столом сидели поручик Щербацкий, Фаддей Лихоборов, отец Капитолий.

— Тем лучше, тем лучше, — шептала Нюта. — Всех сразу. Вот так!

Щербацкий, Лихоборов и отец Капитолий играли в карты. На столе стояло вино. Время от времени все трое о чём-то спорили.

Нюта ухватилась за подоконник. Поднялась, занесла руку. Раскрытая рама пискнула. Щербацкий поднял голову. Их глаза встретились. Ясные, бесстрашные глаза Нюты, полные ужаса глазки Щербацкого. Нюта размахнулась, швырнула гранату. В комнате раздался страшный взрыв.

Дорога

Дорога. Дорога. Судьба-дорога. Дорога, как время, вперёд бежит.

Утро. Проснулось солнце. Скинуло шапку:

— Здравствуйте, люди! Здравствуй, Анюта! Бра-тишка, куда ты опять идёшь?

Дорога. Дорога. Идёт она полем, то вьётся лесом, то через речку мостком скрипит. Сбегает в низинку, лезет на горку. Змейкой во ржи шуршит.

Ночует Нюта в крестьянских избах.
— Куда же ты, дитяtko? — спросит хозяйка.
Ответит невнятное что-нибудь Нюта. Не пытается больше хозяйка. Мало ли дел на земле у людей.
Выспится Нюта, а утром:
— Спасибо, — и снова идёт вперёд.
Едет мужик дорóгой. Остановится:
— Кто ты такая? Садись, подвезу.
Залезет Нюта на дроги и снова ответит так, что только думай-гадай, куда же идёт девчонка.
Оберегается Нюта.
А вокруг? Везде, как в Ромашках. Стонет вокруг земля.
Куда ты шагаешь, Нюта? Что ждёт тебя в палеве этих суровых дорог, в это нелёгкое лето?
Дорога, дорога. Судьба-дорога. Шагает по небу солнце. Шагает под небом Нюта. Дорога, дорога вперёд бежит.

Дрогнули

Нюта идёт в Петроград. В Красный Питер её дорога.

«Чуть подучусь, — мечтает девчонка, — комендором, как Виров, стану. С «Гавриила» теперь никуда. Пусть попробует только Лепёшкин».

Шагает Нюта, вспоминает про Ромку. Ромка теперь далеко. Ромка герой, Ромка бьёт белых. Представляется Нюте Ромка верхом на лихом коне. С острой шашкой в руке. С красной звездой на шлеме.

Ромка, Ромка. Царевич Ромка, а помнишь ли Лугу, помнишь ли лес?..

Неделя, как Нюта уже в пути. Далеко за плечами остались и речка Луга, и Ромашки, и город Ямбург. Где-то рядом проходит фронт. Пробраться бы только

в Гатчину. За Гатчиной сёла: Красное, Детское. За ними Пулково, Питер, Кронштадт, «Гавриил»...

Ночевала Нюта в большом селе. Тут и застала её долгожданная весть: Красная Армия погнала Юденича. Утром в селе появились белые — отходящая с боем часть.

Длинной кишкой втянулся в село обоз, до сотни телег, гружённых разным добром, пенькой и душистым хлебом. Шумно, с криком и гамом входили роты.

Вступив в село, белые тут же начали рыть окопы. На церковную колокольню подняли пулемёт. За крайним домом, в тени рябин, поставили пушку.

Среди дня в село зашёл незнакомый мальчик — оборвыш, нищенка. С латаной торбой через плечо он ходил от избы к избе, стучался несмело в двери.

— Сироте бездомному, люди добрые, Христа ради, на пропитание... — выводил он страдальческим голосом.

Пришельца Нюта заметила издали. Он шёл медленно, осторожно пробирался между обозных телег, запрудивших сельскую улицу; с детским любопытством посматривал по сторонам. Мальчик подходил всё ближе и ближе. И вдруг словно оборвалось что-то у Нюты. Нюта признала Ромку.

Ударь среди ясного неба гром, изба превратись в телегу, корова человеческим голосом заговори, не так бы тому удивилась Нюта, как встрече подобной с Ромкой. Нюта стояла как столб. Но минуту, не больше. Наконец она бросилась к мальчику.

— Ромка, Ромка! — кричала Нюта.

Ромка поднял глаза, но не улыбнулся, не вскрикнул от радости, а лишь глянул на Нюту, словно впервые видит.

— Я же Нюта, Нюта! — твердила девочка. — Ну помнишь, Ромка...

— Я не Ромка, — ответил Ромка, — Дяденька,

Христа ради, сироте бездомному... — потянулся он к проходящему рядом солдату.

— Пошёл вон! — ругнулся солдат.

Даже не взглянув на Нюту, мальчик прошёл мимо.

У Нюты подкосились ноги. Она хотела закричать, снова окликнуть Ромку, но не смогла. Налетевшая обида цепью сковала Нюту. Резко повернувшись к избе, девочка вбежала во двор, влетела в раскрытые ворота сарая, упала на сено и горько заплакала.

„Эх, Ромка, Ромка!“

Эх, Ромка, Ромка! До позднего вечера Нюта пролежала на сене. Обида проходила медленно, туманила мысли. Хотелось ни о чём не думать, а просто лежать и плакать.

И она лежала, то затихая, то опять всхлипывая.

«Да что я лежу? — вдруг подумала Нюта. — Ромка и не хотел меня вовсе обидеть. Просто так само оно получилось. От неожиданности. Мальчишки — они с самолюбием. Застыдился, конечно, Ромка. Дура, дура...» — ругала себя Нюта. Она покраснела, стало совестно за себя.

«Надо догнать, всё объяснить, успокоить Ромку», — прыгали у Нюты мысли. Она представила, как вместе с Ромкой они проберутся к красным (ведь красные рядом!), как явятся на «Гавриил» («Эх, и пойдёт же Ромке морская форма!»), как будут вместе они сражаться и бить ненавистных белых. («Как Виров, комендорами будем», — опять о своём подумала девочка.)

Она вскочила, бросилась к выходу.

У ворот Нюта столкнулась с хозяйкой.

— Куда ты?

Нюта остановилась.

— Я-то, мне-то... — начала девочка. «Что бы сказать?» Сказала просто, к чему выдумывать: — Мальчик тут... Просил подаяние...

— Ох, ох... — всплеснула руками хозяйка. — Убили его офицеры. Он оттуда, от красных. Он пулемёты, солдат считал, — тараторила женщина. — Такое-то малое. Словно мой Вася. Годов-то ему с тринадцать. О господи, что же оно творится!

Перед глазами у Нюты всё пошло кругом.

— Да что ты, родимая! — вскрикнула женщина.

— Ромка, прости меня, Ромка, — сквозь слёзы шептала Нюта.

Вернулся

Ночь. Нюта пробирается к краю села. Тут за овражком в горку идёт дорога. Там за горкой всего в четырёх верстах другая стоит деревня. В ней находятся красные. Ромка от них пришёл.

Выходить из села опасно. Кругом караулы. Нюта крадётся вдоль изб, огородами. Вот и овражек. Вот и бугор. Эх, не сбиться бы только с дороги!

И вдруг:

— Стой, кто идёт?!

Замерла Нюта. Людей не видно. Темень со всех сторон.

— Стой! — послышался снова голос.

Лязгнул затвор винтовки — где-то рядом, шагах в двадцати. Глянула Нюта: сквозь темноту прорезался поднявшийся в рост человек. Рядом другой.

Пригнулась Нюта и в горку — что силы.

Ба-бах! — грянул выстрел.

Ба-бах! — грянул второй.

Свистнули пули. Одна над ухом жикнула, словно пилой. Другая ударила в землю. Нюта бросилась в

сторону. Снова два выстрела. Потом ещё два. Но пули пошли правее. Укрыла девочку ночь-темнота.

В штабной избе у красных словно бы ждали Нюту. Командир не ложился спать. Он молча выслушал девочку.

— Значит, одно орудие, три пулемёта. На колокольне один из них. Так. Беляков, говоришь, насчитала шестьсот и сбилась. Так. Красноармеец Задорнов расстрелян. — Командир опустил на лавку.

Только теперь Нюта заметила, что сам командир годами чуть ли не с Ромку. Такой же безусый. Такой же вихрастый. Такой же задорный вид.

— Значит, расстрелян, — опять повторил командир и сжал в кулаки ладони.

— У белых одно орудие, три пулемёта, — передавалось в ту ночь от бойца к бойцу.

— Молодец! Выходит, разведаль, вернулся наш Ромка?

— А как же. Выходит, что так!

„Вперёд, на Ямбург!“

Утром красные ворвались в село и разбили белых.

Ромку хоронили с военными почестями. На холме, при дороге. Место сам командир указал.

— Мы хороним молодого бойца, — говорил он на митинге. — Молодого героя. Мы выбрали это место на высоте, ибо шёл он к великим целям. Мы оставляем его у дороги, ибо дело наше ещё в пути. Погиб разведчик, юный боец. Но жизнь не проходит даром. Мы опускаем головы над этой могилой, но лишь для того, чтобы гордо и смело их снова поднять над миром. Мы приспускаем свои знамёна, но лишь для того, чтобы с новой силой взметнуться им в небо.

Погиб наш товарищ. Но мы не скажем ему «прощай». Мы крикнем: «Ромка, вперёд, на Ямбург!»

Потом раздалась команда: «На караул!» Потом над строем поднялись винтовки. Грянул прощальный залп. Наступила резкая тишина. Минута молчания. И вдруг словно штык пропорол немоту, нарастая пробила песня:

Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы безвестные ждут,

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

Красноармейцы построились. Тронулся первый ряд, второй, третий. Взбилась дорожная пыль. У могилы осталась Нюта.

Девочка опустилась на придорожный камень. Сидела долго, долго. Не шевелясь, словно застыла. И лишь слёзы — живые бусинки одна за другой ползли по щекам у Нюты и срывались на землю огнём-капелью.

Свечерело. Девочка поднялась. Ещё раз посмотрев на холмик, она повернулась и быстрым шагом пошла к селу. Быстрым, почти бегом.

«Упрошу командира. Уйду с красными. Буду, как Ромка», — твердила Нюта.

Однако в селе её поразила необычная тишина. Улицы опустели. Не видно ни воинских повозок, ни красных бойцов. Какая-то женщина одиноко гнала корову.

— А где же красные? — спросила Нюта.

— Дальше пошли.

— Как — пошли?

— Пошли, — повторила женщина и показала рукой на запад, туда, где за ближним лесом, минуя село, шла дорога на город Ямбург.

Кронштадтская ночь

Эскадренный миноносец «Гавриил» в эту ночь нёс дежурство по охране Кронштадтской базы. Ещё с вечера он занял удобное место при входе в порт.

Виров сидел внизу, в кубрике, склонился над чистым листом бумаги. Красная Армия наступала. «Подди, и Ромашки уже у красных», — рассуждал Виров. Балтиец писал письмо.

«Дорогая Пелагея Никитична, пишет ваш сын Василий.

Дорогой брат Митя...»

Виров задумался. Многое есть о чём рассказать. Вот хотя бы о том, как «Гавриил» сражался с четырьмя кораблями противника — и победил! Или о том, как в Капорском заливе «Гавриил» и эсминец «Азарт» встретили английскую подводную лодку и потопили! Или... «Да что это я о себе, — прервал свои мысли матрос. — Как они там, в Ромашках?»

В это время в кубрик просунулся матрос Наливайко. Наливайко хитро улыбался, шурил загадочно левый глаз. Затем он сделал шаг в сторону, и Виров увидел Нюту.

— Братишка, родной! — закричал балтиец. Он схватил девочку на руки, подбросил. Потом поставил на пол, стал хлопать по плечу, трепать по голове, по уже заметно отросшим волосам Нюты.

— Вот это да! Вот это тебе подарок! — не утихал матрос. — Подрост ты, братишка. А худ, худ. Ну, как там оно? Смотри, и тельняшку сберёг, и бескозырка на месте. Ну как Пелагея Никитична?

Нюта опустила глаза.

— Да что я, — спохватился матрос. — Тебя накормить бы с дороги. Это мы живо,

— Я сытая, дядя Василий.

— Ну, ну. Так как Пелагея Никитична?

— Повесили белые, — чуть слышно сказала Нюта. Балтиец сразу обмяк. Он смотрел на Нюту каким-то потухшим взглядом. Как живые, запрыгали складки у рта.

— А Митя?

— Повесили Митю.

Сверху ударил колокол.

— Тревога! — закричал Наливайко.

В эту ночь англичане с неба и с моря совершили налёт на Кронштадт. Когда Нюта вместе со всеми выбежала на палубу, прямо над головой она услышала рокот моторов. Потом раздались взрывы бомб, упавших слева и справа от «Гавриила». Затем хлестнул пулемётный огонь, который шёл оттуда, с неба, и ответный — с «Гавриила» и других кораблей, стоявших в Кронштадтской гавани.

Раздавались команды. Среди них девочка ясно различала боцманский гул Ванюты:

— Не спи! Гляди в оба! Небо — небом, с моря жди «англичанку».

И правда. Ещё не стих над головами рокот моторов, как со стороны залива показалось несколько торпедных катеров. Они шли один за другим на огромной скорости. Целясь по «Гавриилу», англичане пустили торпеду. Она прошла мимо, взорвалась, ударившись в стенку гавани.

Виров первым навёл орудие. Грянул выстрел. Нюта видела, как один из катеров дёрнулся, клюнул носом и ушёл под волну в воду.

Девочка не спускала глаз с комендора. Разгорячённый, в свете мелькавших прожекторов, балтиец

казался отлитым из стали. Словно печную дверку, он отбрасывал замок орудия. С металлическим звоном на палубу вываливалась стреляная гильза. Новый снаряд уходил в пушку. Секунда. Следовал выстрел. И всё повторялось снова. Быстро. Стремительно. Как бушующий водоворот.

А рядом стрелял Хохлов. И так же безошибочно действовал Зига. И не отставали другие. Орудия били с носа. Стреляли с кормы. Строй катеров распался. Одни повернули назад. Другие, словно в ловушке, заматались по гавани. Они стремились уйти от огня эсминца. Но снаряды точно ложились в цель.

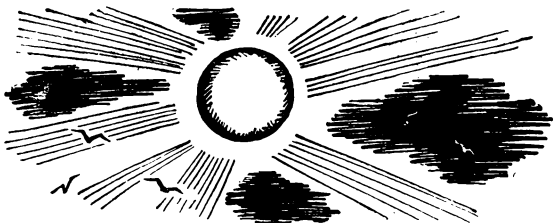
От прямого попадания вздыбился в небо и разлетелся в щепы второй неприятельский катер. Крутанул волчком и вывернул днище третий.

— За Пелагею Никитичну! — выкрикивал Виров.

— За Митю!

— За Ромку! — шептала Нюта.

Глава пятая

СМОТРЯТ ДУЛА СОВИНЫМ ГЛАЗОМ

Единогласно

В конце августа Вирова принимали в партию. Он долго составлял заявление. Измарал и лист, и второй, и третий. Старался, чтобы звучало оно убедительно и слогом было красиво. Вконец измучившись, матрос написал:

«Прошу принять в ряды РКП(б). С программой согласный. Готов отдать жизнь за рабочее дело».

На собрании, когда началось голосование, Виров стоял кумачёво-красный. Всё опасался, не окажется ли кто-нибудь против. Против — не оказалось. Хотя кто-то и вспомнил Вирову мордобой, однако проголосовали единогласно.

— Ну, братишка, — заявил матрос Нюте, — теперь я спокойный. — Он показывал девочке книжеч-

ку — партийный билет. В ней значилось: «Российская Коммунистическая партия (большевиков)». — Единогласно, — хвастал балтиец и улыбался.

И Нюта тоже решила вступить в партию. Так же как Виров, она долго писала заявление. Наконец явилась к Лепёшкину.

— Так, — сказал комиссар. — Значит, с программой согласна?

— Согласна.

— Жизнь — за рабочее дело?

— Да, — убеждённо сказала Нюта.

Комиссар внимательно, очень серьёзно смотрел на девочку. Барабанил пальцами по краю стола. Потом оставил заявление у себя и отпустил Нюту.

А через два дня он вызвал Нюту и вместе с ней поехал на берег.

В Кронштадте они вошли в какое-то здание, поднялись на второй этаж.

В комнате сидели парни и заводские девчата. Шло собрание. Председатель, очень схожий с тем командиром, который бил белых под Гатчиной и гнал их потом на Ямбург, вызвал Нюту к столу.

Нюте пришлось рассказывать о себе, о Миассе, Ромашках, о гибели Задорнова, Пелагеи Никитичны, о Мите, о подвиге Ромки.

Кто-то сказал:

— Мала.

Кто-то ответил:

— Вырастет!

Затем началось голосование, и все дружно подняли руки.

Тут же Нюте вручили билет. В нём значилось: «Российский Коммунистический Союз молодёжи».

Вечером Нюта показывала членский билет Вирову и хвастала:

— Единогласно!

Довольна Нюта, что вернулась на «Гавриил».

«Теперь с «Гавриила» я никуда», — уже в какой раз сама себе говорила Нюта.

Всё случилось иначе.

Неожиданно Виров был отправлен в Петроград на курсы командного состава флота.

— В такое-то время, — заупрямился было матрос. — С эсминца меня — долой! За что, товарищ Лепёшкин?!

— Эх, голова, голова, — улыбнулся комиссар. — Так это же честь. Доверие. Флоту командиры свои нужны, — сказал он серьёзно. — Красные капитаны, красные адмиралы. Адмирал Виров — а? Оно и звучит красиво. А потом, дисциплина. Партийная, — добавил Лепёшкин совсем уже дружески.

Осень. Сентябрь. На Петроградском фронте затишье. Генерал Юденич ушёл за Ямбург. Красные взяли Псков. На курсах, теперь они стали училищем, идёт подготовка к занятиям. Съезжаются с разных мест и судов моряки.

Сентябрь, а всё же ещё тепло. Дни тихие. Светит солнце. Нюта и Виров любят ходить по городу. Нравятся девочке эти прогулки. Прохожие удивлённо смотрят на Нюту, на морскую рубаху, на бескозырку. Выстукивают по тротуару Нютины башмачки.

Как-то гуляли Нюта и Виров по Невскому. Разные люди идут навстречу: молодые и старые, мужчины и женщины, много военных. Студенты бегут толпой. И вдруг... Нюта решила: мерещится. Навстречу идёт Щербацкий. Поручик Щербацкий, тот самый — свиные глазки. Правда, не в форме, в гражданской фуражке. Шрам через щёку прошёл дугой.

Нюта вцепилась балтийцу в руку.

— Что ты, братишка?

Щербацкий поравнялся. Как и все, с удивлением глянул на Нюту. Спокойно прошёл — не признал.

— Он, он! — зашептала Нюта.

— Кто он? Да что ты, братишка!

— Ну тот, что в Ромашках. Поручик Щербацкий.

— Поручик Щербацкий?!

Они догнали мужчину в фуражке. Глянула Нюта — он и не он. Глаза хоть свиные, да нос показался теперь не тот. Будто не очень вздёрнутый. И седина в голове — у Щербацкого не было. И шрам...

Мужчина предъявил документы. Козлов Николай Александрович — значилось в них. Сообщалось и то, что он работник Тульского губисполкома и прибыл в Петроград по служебным делам.

Виров вернул бумаги. Они разошлись.

— Ошибка, выходит, братишка, — покачал головой балтиец.

«Конечно, ошибка, — подумала Нюта, — ведь Щербацкий давно погиб». Девочка вспомнила страшный взрыв.

— Зря отпустили, — заявил вечером Вирову новый его приятель с эсминца «Свобода». — Может, он и на самом деле Козлов. А всё же и раз бы и два бы его проверить. Белых шпионов в Петрограде сейчас полно.

С ним согласились другие.

Провожает курсантов Нюта

Прошло две недели. Курсанты приступили к занятиям. Срок учёбы был рассчитан на четыре года.

— Вот это попали! — хватался за голову Виров. — Это же целая жизнь.

Балтиец снова скучал о море.

Нужно было подумать о Нюте. «Девочку б в шко-

лу, — прикидывал Виров. — Пожалуй, комнату надо снять. А может, на ком жениться? Вот и Нюте бы сразу — мать. (У балтийца была на примете одна дивчина.) Женюсь. Оно ведь уже пора», — принял решение Виров.

Но всё случилось опять не так. В конце сентября войска генерала Юденича снова начали наступление. Они захватили Ямбург. Шли на Гатчину, Красное, Детское. Рвались на Петроград.

«Все на разгром Юденича!» — был брошен призыв. На помощь Петрограду спешили отряды из Москвы, из Новгорода, Твери, Костромы. Из далёкой Пензы, далёкой Вятки, из других городов России.

«...Враг старается взять нас врасплох, — писал Ленин защитникам Красного Питера, — ...товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалеко! победа будет за нами!»

В Балтийском море опять начинались бои. Виров написал заявление. Просился на «Гавриил». Но тут поступил приказ: занятия в училище временно прекратить и всему составу выступить на сухопутный фронт. Виров снова полез с просьбой о «Гаврииле». Его осекли.

Нюта полезла к Вирову:

— Я тоже хочу на фронт.

Виров осек девчонку.

Нюта обиделась.

— Мал ты ещё, братишка. Не твоё это дело. Ну, понимаешь ли — мал, — успокаивал девочку Виров.

Не помогло. Виров повысил голос:

— Слушай приказ, говорю по-партийному: мал ты ещё, братишка.

Нюта смирилась. Отвёл её Виров к дивчине:

— Смотри береги!

И вот Балтийский вокзал. Провожает курсантов Нюта. В том же составе отправляются на фронт от-

ряды петроградских рабочих. Шум. Голоса. Прощается Виров с Нютой. Прощается он с дивчиной.

— Береги, — наставляет опять матрос. — Чтоб как мать ты теперь для Нюты. Прошу тебя, Клаша...

Перрон утихает. Люди в вагонах. Виров машет бескозыркой. Тронулся в путь эшелон.

— Смотри, по-партийному. Голову выше! — Нюте кричит матрос.

Вагоны бегут быстрее. Мелькают подножки. Мелькают чьи-то головы, руки, ноги. Нюта трогается с места, бежит. Всё машет и машет Вирову. Мелькают вагоны. Паровоз переходит стрелки. Чуть поворот. Балтийца уже не видно.

Нюта бежит. Бежит, как тогда, в лесу. И рада остановиться — не может. Мелькают, мелькают, мелькают вагоны. Вот и последний вагон. Вот и подножка. Вот поручни. Последний вагон!

И вдруг. Нюта не хочет этого. Нюта противится. Но что она может поделать? Руки сами хватают поручни. Прыжок! Каблучки ударяют в подножку. Теперь не мелькают уже вагоны. Мимо Нюты бежит перрон. На стыках стучат колёса.

— Да куда же ты? Господи! — заголосила дивчина. — Не усмотрела. Как же теперь со мной!

Разбегай

Станция Сергиева Пустынь. Всего 15 километров от Петрограда. С юга слышны залпы орудий. Совсем рядом проходит фронт.

Поезд остановился. Дует холодный ветер. Старается сбить с ног. Кругом сырость. Дожди размочили землю. От станции Сергиева Пустынь курсанты пошли пешком. Их задача — подойти к деревне Разбегай и ударить в тыл наступающим белым,

Виров оказался в пулемётной команде. Пулемёты везли на телегах. Дороги раскисли. Телеги застредали в колдобинах. То и дело — плечом толкай.

Деревня оказалась уже у белых. Утром курсанты вступили в бой.

Виров со своим пулемётом расположился в окопе напротив села. Не он один. Три пулемёта из их команды. Виров был крайним в стороне от других. С Вировым номер второй. При пулемёте два человека. Один стреляет, другой подносит и подаёт пулемётные ленты.

Со своего места Виров прекрасно видел деревню. Отсюда с рассветом он по команде начал её обстрел. Бил по пулемётным точкам противника. Между ним и деревней лишь речка Стрелка.

Потом он слышал: «Вперёд, братишки!» Видел, как поднялись в атаку курсанты. Как они смело пошли на огонь и с криком «ура!» ворвались в деревню.

Виров понял — белые начнут отступать. Он знал: справа по флангу сидит в засаде отряд разведчиков. У разведчиков есть пулемёты. Значит, если белые побегут направо — порядок полный. А если налево?

Виров поднялся. Поманил своего подносчика. Перетащив пулемёт через речку Стрелку, Виров стал обходить деревню. Он бежал, чуть пригнувшись, прячась за срез бугра.

Когда Виров обогнул бугор и снова увидел открытое место, он развернул пулемёт и оглянулся. Подносчика рядом не было. Сразила подносчика белая пуля. Он лежал сзади, метрах в двухстах, рядом валялись коробки с патронами.

В пулемёте у Вирова неполная лента. Минута стрельбы — не более. Балтиец решил бежать за патронами. Но в это время из села появились белые, и Виров открыл огонь.

Та-та-та, та-та-та, — стучал пулемёт и косил, как серпом, бегущих.

«Патроны, патроны, — обжигала балтийца упрямая мысль. — Эх, пропало великое дело!»

Татахнув, пулемёт замолчал.

Сплюнув с досады, матрос поднялся. «Пока добежишь, пока принесёшь... И как с пулемётом? Заметят же белые».

И правда. Услышав, что пулемёт замолчал, белые приободрились. Группа солдат, развернувшись, бежала теперь на Вирова. Балтиец зло посмотрел на врагов, сдёрнул с ремня гранату.

— И их и себя, — процедил матрос. — Балтийца за так не купишь!

В это время Виров услышал:

— Дядя Василий! Дядя Василий!

Матрос оглянулся. Рядом, шагах в десяти, волоча по земле коробки с патронами, к нему подбегала Нюта.

Решень

Та-та-та, та-та-та, — опять строчил пулемёт. Попав под ураганный огонь, белые повернули в другую сторону. Туда, где были в засаде разведчики.

— Давай, давай, — усмехался Виров.

Бой окончился полной победой курсантов.

Виров поднялся. Отряхнул комья мокрой, прилипшей к бушлату земли. Он всё ещё не поднимал глаз на Нюту. О чём-то думал.

Наконец матрос посмотрел на девочку. Смотрел грозно, каким-то чужим, совсем не вировским взглядом.

И Нюта смотрела на Вирова. Смотрела виновато и как-то по-глупому улыбалась.

— Значит, так, — сурово сказал матрос. — Зна-

чит, слова для тебя, как горох об стенку. Приказ для тебя — фю-фю. Дисциплина считай игрушка.

Виров снял поясной ремень. Сложил его вдвое. Он снова глянул на Нюту. Девочка не шевельнулась. Открыто смотрела на Вирова.

Балтиец смутился. «И чего это я? Ну — поругал. А зачем же ремень!»

— Ух, и сдал же меня ремень! — попытался он сделать вид, что снял его просто так — без всяких недобрых целей.

Но от этой неправды Вирову стало совсем неловко. Матрос покраснел, ещё больше смутился.

Нюта поняла друга. Она улыбнулась. И матрос улыбнулся своей добродушной улыбкой.

После боя командир полка, которому был придан отряд курсантов, вызвал к себе балтийца.

— Молодец! С пулемётом верно решил. По старым временам тебе георгиевский крест по заслугам. Желаете — получишь новый бушлат. Или бери шинель. Или вот — пять банок мясных консервов. Сам выбирай награду.

Виров отрицательно покачал головой.

— Что же тебе?

— Нет лучшей награды матросу, чем снова его на море, — тихо ответил Виров. — Мне бы на «Гавриил».

И вот Виров опять в Петрограде. Вместе с Нютой едут они в Кронштадт.

В приют!

Балтийское море. Финский залив. Волны бегут, как стаи птиц.

Ночь. Над морем туман. Еле виден во мгле «Гавриил». Эсминец идёт на запад.

Виров и Нюта опять внизу, в том же матросском кубрике.

— Узнают — ох, и будет же мне, братишка!

Когда они прибыли на «Гавриил», комиссар Лепёшкин и боцман Ванюта строго-настрого наказали Вирову, чтобы тут же отправил Нюту на берег.

— Чтобы немедля её в приют, — за старое взялся Ванюта. — Чтобы ноги её не было! Ты что, ошалел? — кричал он на Вирова.

«Гавриил» в эту ночь уходил в Капорский залив. Задание — ставить мины.

Виров и сам понимал, что, конечно, надо бы Нюту на берег. Завтра оно так и будет. Но сегодня... Балтиец давно обещал взять Нюту в открытое море. Когда такое опять случится!

«Эх, — прикинул матрос, — была не была! Подумаешь — ставить мины. Дело не страшное. К тому же туман. Пусть остаётся».

— Только как мышь, — предупредил он Нюту и погрозил указательным пальцем.

И вот час, как они в пути. Мерно гудят турбины. За бортом тишина. Лишь волны скребут обшивку.

«Конечно, в приют, это боцман — того, — ухмыляется Виров. — Зачем же в приют Анюту? Да разве она сирота? Да разве нет Клаши? — Балтиец вспомнил свою дивчину. — Найдётся для Нюты место».

Мерно гудят турбины. Нюту клонит ко сну. Она подбирает ноги и засыпает.

Виров укрывает её бушлатом, уходит к друзьям наверх.

«И чего привязался?» — поминает недобрым словом матрос Ванюту.

Ах, если бы только балтиец знал! Он бы спасибо сказал Ванюте.

„Братишка! Братишка!“

Нюта проснулась от страшного взрыва. Эсминец вздрогнул, словно живой. Сверху бил, как безумный, колокол. Слышался топот бегущих ног. Раздавались команды и крики.

Нюта вскочила.

— Братишка! Братишка! — В кубрик ворвался Виров.

Кубрик вдруг начал крениться. Не удержавшись, Нюта упала на пол.

«Гавриил» подорвался на минах. Вчера в этом месте их ещё не было. Сегодня — уже стоят. На целые вёрсты кругом — мины и мины. Морские поля из мин.

Эсминец кренился на нос и на правый борт. Через пробоины в трюмы врывалась вода. Она заметалась по корабельным отсекам, с всхлипом влетала в турбинный зал, лизнула коридорные трапы, побежала в матросские кубрики.

«Гавриил» оседал. Матросы поспешно спускали шлюпки.

— Братцы, где Виров? Братцы, где Виров?! — кричал Наливайко.

— Комиссар, комиссар! Товарищ Лепёшкин! — неслись голоса с отходящих лодок.

Многие, скинув башмаки и бушлаты, стали бросаться в воду.

— Все ли на месте? Докладывай покомандно! — не ко времени как-то кричал Ванюта.

— Вирова нет. Вирова! — не утихал Наливайко.

Вода подходила к обреза борта.

В это время Виров и Нюта появились на палубе.

Боцман увидел девочку. Лицо его и до этого красное стало совсем пунцовым, заходили голыши-желваки.

— Ты это что! — загудел он на Вирова. — Под арест! Немедля! На десять суток! Стой! Стой! — Ванюта резко повернулся к борту. Там отходила последняя шлюпка.

Боцман подхватил на руки девочку, Виров видел, как с лодки потянулось сразу несколько человек. Мелькнули лица Наливайки, Наджми и Зиги, поднялись цепкие руки товарища Ли.

— Чтобы мне головой за дитя!.. — громыхал Ванюта. — Кровь из носа, душа наружу, чтобы...

Лодка ударила об обшивку эсминца, отскочила, словно орех. Виров прыгнул за борт. Попал под весло, рассек голову. Его подхватили, втащили в шлюпку.

— Все, — докладывал Ванюта комиссару Лепёшкину. Они стояли на палубе уже по колено в воде.

Ударил волна и разбросала их в разные стороны.

Не забывают!

Виров кривился от страшной боли. Ссадина шла через лоб и правый висок. Весло ободрало кожу. Кровь сочилась, стекала в глаз. Матрос зачерпнул воды, провёл по лицу ладонью. Стало ещё больнее.

Нюта оторвала край от своей тельняшки. Наложил балтийцу на лоб повязку.

Лодка была перегруженной. Дважды плеснула в неё волна. Казалось, добавь горошину—и шлюпка немедля пойдёт ко дну.

Кто бескозыркой, кто просто руками, матросы стали вычерпывать воду. Однако от удара с эсминцем в лодке где-то возникла течь. Люди не успевали. Вода прибывала. Лодка погрузилась почти до уключин. Надо было уменьшить груз.

Тогда поднялся старший матрос Наливайко:

— Ну, братишки, не забывайте!

Он перевалился через борт и исчез в тумане.

Следом поднялся Зига, глянул на Ньюта:

— Братишка, прощай!

Вот и Зига пропал в волнах.

Третьим поднялся Виров.

— Сиди, — оттолкнул балтийца матрос Наджми. — Очередь, значит, наша. — Он, как и Зига, глянул на Ньюта, пригнулся, шагнул за борт.

Виров снова поднялся.

— Сиди, — оттолкнул балтийца товарищ Ли. И тоже взглянул на Ньюта.

Потом в воду прыгнул минёр Иванов, затем торпедист Печенега.

Через час в лодке остались Виров и Ньюта.

Ещё через час лодка пошла ко дну.

Ещё через час Виров вынес Ньюта на берег.

Но как это было — Ньюта не помнит. Оказавшись в воде, девочка какое-то время плыла сама.

— Вот так. Молодец! — подбадривал Ньюта балтиец. — Что нам залив, мы море с тобой осилим.

Потом девочка заметно устала. Взмахи рук стали реже, было трудно дышать. Виров стал придерживать Ньюта.

— Отдохни, отдохни, братишка.

Потом Ньюта потеряла сознание.

И вот берег. Когда Ньюта открыла глаза, она увидела над собой незнакомые лица. Кто-то грубо толкнул её сапогом. Рядом в изодранной в клочья тельняшке, с разбитой губой, уже без повязки на раненом лбу, стоял, едва держась на ногах, балтиец. Виров был связан.

«Белые!» — поняла Ньюта.

Спиной к обрыву, лицом к врагам

Белые пригнали Нюту и Вирова в маленький рыбацкий посёлок. Втолкнули в какой-то дом.

Вскоре сюда же пришёл офицер. Глянула Нюта — вздёрнутый нос, шрам через щёку, свинные глазки.

Перед Нютой стоял Щербацкий. Но не поручик, а уже капитан. Видно — повышен в чине.

— А-а... — протянул Щербацкий. Он подошёл к балтийцу, дал зуботычину, — Документы, значит, тебе? У, быдло! Красная сволочь!

Шагнул к Нюте, сдёрнул перчатку, стал больно хлестать по лицу.

— Большевистский змеёныш! — Ткнул пальцем себе на щёку, на шрам. — Узнала — твоя работа!

Сутки Нюту и Вирова продержали в избе. А через день туманным утром их вывели к морю.

И вот Нюта и Виров стоят на круче. Спиной к обрыву, лицом к врагам.

Утро. Бьют волны внизу о камни. Туман застилает берег.

Верёвки впились в упругие мышцы матроса, обвили Нюту ужом-змеёй.

В шеренге застыли солдаты. Рядом Щербацкий стоит с наганом в руке.

Минута — и грянет: «Пли!»

Нюта прижалась к балтийцу.

— Братишка, братишка! — шепчет матрос. — Оно ведь совсем не страшно. Вот так! По-морскому гляди, братишка...

Смотрят дула совиным глазом. Секунда — и грянет: «Пли!» Нет. Нюте совсем не страшно. То есть страшно, конечно. Но Нюта без робости смотрит вперёд.

«Жизнь не проходит даром, — доносится до Нюты далёкий голос. — Мы опускаем головы, но лишь для того, чтобы снова их гордо и смело поднять над ми-

ром. Мы приспускаем свои знамёна, но лишь для того, чтобы с новой силой взметнуться им в небо».

— Да здравствует советская власть! — перекрывая далёкое, врывается в сознание девочки голос Василия Вирова. — Да здравствует Красный Балтийский флот!

— Да здравствует Красный Балтийский флот! — повторяет бесстрашно Нюта.

— Молчать! — разъярённо кричит Щербацкий. Он подбегает к балтийцу и Нюте. — Красная сволочь! Молчать! — Щербацкий бьёт по лицу матроса. Потом наклоняется к Нюте.

— Назад! — остервенело кричит матрос. — Назад! — Он становится между Щербацким и девочкой. Грудь балтийца, как мех, раздувается. Верёвки впиваются глубже в тело. Мышцы твердеют, как сталь.

И вдруг слышится лёгкий хлопок.словно нитки, летят верёвки. Руки свободны. Секунда. Удар. Пудовый удар, смертельный удар — прямо в свиные глазки.

Щербацкий без крика валится с ног. Виров хватает Нюту и прыгает с кручи вниз.

Сверху стреляли. Сверху неслись проклятья.

Море спасло матроса. По-матерински туман укрыл.

Глянуло солнце

Виров плыл, стараясь держаться ближе к берегу. Плыл на восток. Плыл долго, пока не иссякли силы. Тогда он вышел опять на берег. Они бежали с Нютой по мокрому от брызг и тумана песку. Потом поднялись на приморские кручи. Виров вытер лоб и лицо ладонью, глянул на Нюту и как-то совсем по-детски виновато и счастливо заулыбался.

Дул ветер. Всё так же бурлило море. Бежали волны. Лебедиными крыльями били в песок. Глянуло солнце. Бесшумно прощался с водой туман.

Виров сгрёб Нюту в свои здоровенные руки и поднял её высоко над собой. Он шёл, не спуская Нюту на землю, тянул её к небу и к солнцу. Балтиец шёл и, казалось, кричал: «Вы видите, девочка жива! Вы слышите, девочка жива! Смотрите! Смотрите! Смотрите! Вы видите Нюту?!»

И все увидели Нюту. Её увидели Петроград и Кронштадт. Её увидели войска, которые перешли в наступление и навсегда прогнали с Советской земли Юденича. Её увидели корабли Балтийского флота.

Её видело море. Видело небо. Видело солнце.

И вот, как тогда во сне, вдруг закричало солнце: «Много вёсен тебе, Анюта!»

Качнулось суровое море: «Много вёсен тебе, Анюта!»

«Много вёсен тебе, Анюта!» — прогудел беспокойный ветер.

...Кончается повесть. В окно ко мне заглянуло утро. Лучами ударил свет. Я отложил перо. Время прощаться с Нютой.

— Много же вёсен тебе, Анюта! Нюта-Анюта, мой дорогой братишка.

